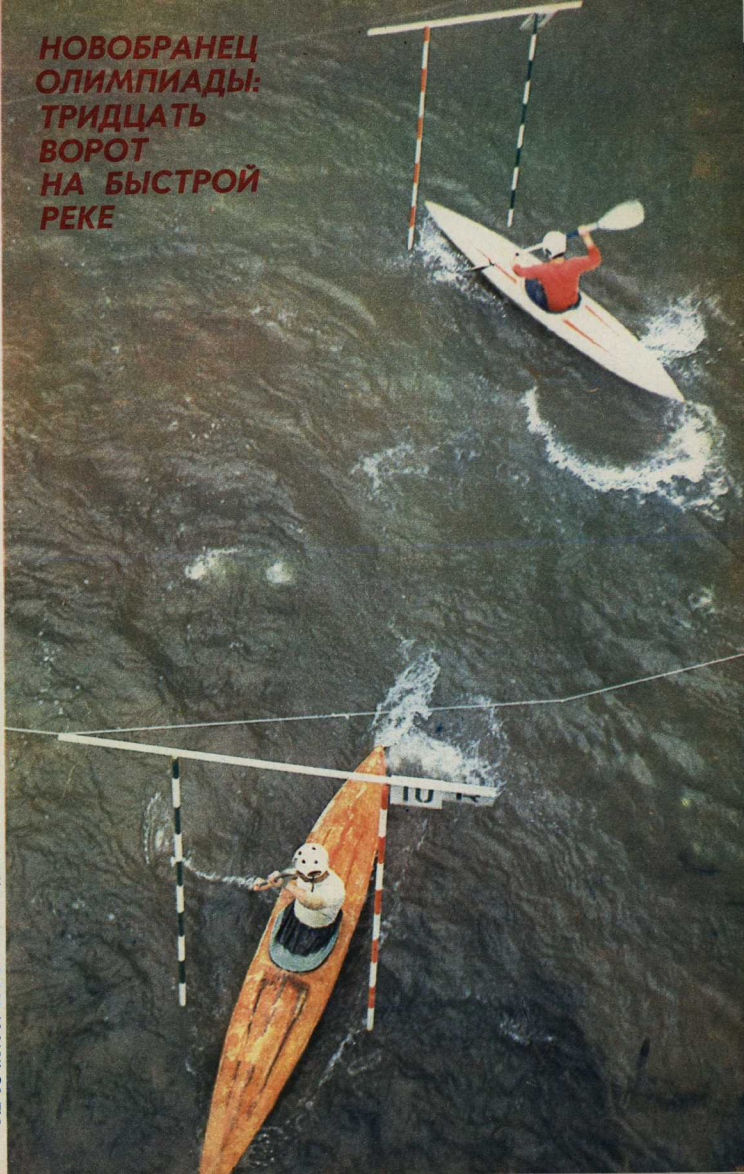


СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»: МОСКВА

НОВОБРАНЕЦ
ОЛИМПИАДЫ:
ТРИДЦАТЬ
ВОРОТ
НА БЫСТРОЙ
РЕКЕ





**ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
МОСКОВСКОГО
КОМСОМОЛА
ТАМАРА
СИНЯВСКАЯ —
ПОБЕДИТЕЛЬ IV
МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНКУРСА
ИМЕНИ
ЧАЙКОВСКОГО.**

■
**ЧТО РЕШАЕТ
СУДЬБУ МОЛОДЫХ
ИСПОЛНИТЕЛЕЙ?**

■
**КОНКУРС —
САМАЯ ШИРОКАЯ И
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
ПРОПАГАНДА
МУЗЫКИ.**

Через несколько минут участники
конкурса соберутся на жеребьевку...



КОНКУРС



Анатолий АГАМИРОВ,
Мирслав МУРАЗОВ (фото)

МАЛЕНЬКАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ...

Музыкальные конкурсы. Вспомните, сколько их: международных, национальных, городских, областных, курортных, носящих имя какого-либо знаменитого музыкального деятеля, прямо-таки от легендарного Орфея, а тут, глядящий, и сам победитель конкурса, чудесный пианист Ван Клайберн решил дать свое имя международному состязанию в Техасе... Словом, музыкальные конкурсы сейчас есть везде и проходят повсюду, охватывая целиком многоликую, противоречивую, интересную, а, главное, любимую нами по-разному, но столь необходимую каждому музыку. Многие считают, что именно составительный элемент дает конкурсу решительное преимущество перед обычным концертом. Вот в нем штука. Не просто концерты для любителя эстрадной или классической музыки, а соревнование индивидуальностей, стилей, направлений. Следовательно, и не заглядывая в энциклопедический словарь, мы определим конкурс в области музыки как **музыкальное состязание**. Да, да, состязание во всем спортивном значении этого слова. Аналогий со спортом здесь множество, и придется к ним прибегать постоянно. Но все-таки насколько легче спортсменам и их судьям! Там масса

объективных моментов: метры, секунды, голы, фотопленки на финише, апелляционная комиссия и т. д. А музыка... вернее, музыкальные конкурсы! Все очень сложно. Четких критериев нет и быть не может. Члены жюри руководствуются только собственным вкусом. Ставят баллы, стараются быть, конечно, объективными, но полюбуйте вы сами поговорить о музыке с другим ее любителем, как точно же поймете, что тем она и чудесна, что каждому дает свое, неповторимое, глубоко личное. Спорить бессмысленно, лучше находить общие радостные моменты. Жюри международных конкурсов, во всяком случае, стараются действовать именно на этих соображениях. «Судейская коллегия на любом международном конкурсе — звездами мировых имен, знаменитости, представляющие не только разные страны, но и направления и школы. Это должно способствовать некоей «абсолютности» решений. Но, поверьте, ее нет в реальности да и быть не может. В соответствии с модой предлагали окончательное решение предоставить электронной машине — было что-то в этом роде то ли в Канаде, то ли в

Труффатор конкурса вокалистов — молодая певица Тамара Синяевская.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

**№ 16 (1038)
АВГУСТ
1970**

Наша оловянка: на трассе водного канала.

Фото Виктора ВОРОБЬЕВА

Фоторепортажи. Слички по поданным стопкам — на страницах 20—21



12 **МОЛОДАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ.**



14 **КОМСОМОЛ ВЫПОЛНЯЕТ РЕШЕНИЯ ИЮЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС.** Репортаж со строительства Яванской оросительной системы.



18 **ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».** Малоизвестный рассказ Льва Кассля.



28 **КЕНТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: СМЕРТЬ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ.**



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ».
БЕСЕДА С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ
ТЮМЕНСКОГО ОБКОМА КПСС Б. Е. ЩЕРБИНОЙ

РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ БРИГАДЫ
МОЛОДЫХ ТЕКСТИЛЬЩИЦ ИЗ ЧЕРНИГОВА

«КРУГОЗОР СОВРЕМЕННОКА».
СОЛНЦЕ САРЬЯНА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов [главный художник]

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Вудкина



ФРГ, — но где взять для нее исходные данные, не в скорости же ладыше музыкантов, в самом деле, или в «послужном списке»? Электроника придалась лишь при подсчете баллов, выставленных жюри. На каждом туре арбитр все свои художественные впечатления, свои восторги и сомнения, свое музыкальное «яredo» выражает в совершенно конкретной цифре. И она, только она решает дальнейшую конкурсную судьбу музыканта, да и не только конкурсную, как повелось теперь. Все же решение «аварских» судей на крупнейших международных соревнованиях достаточно правильны, они продиктованы колоссальным историческим опытом музыки.

Конкурс имени Чайковского представляется наиболее объективным. Там музыка русского гения, ее исполнение определяют характер соревнования, но участникам представлена возможность показать себя очень полно и в музыке старинной, и в современной, и в своей национальной. Другие конкурсы с девизом или без него более «общие» по программе. Таков, например, конкурс пианистов и скрипачей имени королевы Елизаветы в Брюсселе. С конкурсом, носители его имжа, связаны многие незабываемые впечатления, в частности первые международные успехи наших исполнителей, среди которых достаточно назвать Эмилу Гиельса, Давида Ойстраха, Леонида Когана... Конкурс в Бельгии просто очень тяжел для артистов. Программа огромная, требующая почти немислмной разносторонности, — на последнем туре надо, кроме заранее разученного концерта, сыграть еще один, написанный специально, бельгийским автором. Ноты участники получают примерно за неделю до выступления и разучивают совершенно неизвестную им музыку в условиях полной изоляции. Ох, как это все трудно! А вот московская пианистка Катя Новичка победила в Брюсселе, когда ей исполнилось только шестнадцать лет. Конкурс имени Пяганини в Генуе. Здесь могут побеждать только виртуозы. В соответствии с творческим наследием «волшебника», «дьявола» скрипки Николао Паганини. Музыканты-романтики собираются в Польше почтить память великого лирика Шопена, на баховском конкурсе предпочтение полу-

чают музыканты мудрые, зрелищные исторически. В Филадельфии очень трудно правильно уповать стиль Сибалиуса, где за некоторой «северной сдержанностью надо почувствовать светлую и кристально чистую душу композитора. В Женеве и Мюнхене преобладает всего цент профессиональное мастерство. Там есть возможности для соревнований и у оркестровых музыкантов и у предпочитающих камерное музицирование.

Для победы на конкурсе имени Чайковского в Москве необходимо все выше перечисленное...

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ОЛИМПИАДА —

так назвала конкурс в Москве ленинградская газета «Монд». Действительно, некоторое сходство с современными спортивными олимпиадами имеется. Глобальное значение, влияние на развитие музыки, периодичность — конкурс проходит, как и олимпийские игры, раз в четыре года. Начало было положено в 1958 году. Тогда состязались только скрипачи и пианисты. В 1962 году к ним присоединились виолончелисты. Спустя четыре года в соревнование включились вокалисты. Программа конкурса, конечно, предусматривает почти весь объем музыки Чайковского — от романсов и маленьких пьес до концертов с оркестром и оперных арий. Главное же в том, что музыка эта диктует творческой настрой конкурса. Она вечна в своем горячем бдении великого сердца, в своих страстях, близкая столь многим, в своей радости и горести, в столь популярной и знаменитых мелодиях, в страдании за лучшую человеческую судьбу и — гуманизме, выраженном ясно, недвусмысленно, с присущей гению откровенностью и силой! Да что там! Произнесите вслух... Чайковский. Музыка. И значение конкурса станет для вас яснее самого.

Публика отнеслась к последнему конкурсу с огромным вниманием. Она и раньше обожала его. Но чтобы на утренних прослушиваниях первых туров зал был наполнен до отказа — такого не водилось. Число участников рекордное: двести пятьдесят два человека... Не будем знакомить вас с результатами кон-

курса подробно. Об этом достаточно писали и говорились. Важнее то, что он не был похож на предыдущие три. Первый был в новинку, носил характер сенсационных открытий. Вспомним только совершенно безвестного Вэна Клайберна, который за конкурсный месяц в Москве стал любим и знаменит во всем мире. На втором конкурсе выявились несколько ярких индивидуальностей. Вообще, собственный, оригинальный отход к музыке играло тогда решающую роль. Те же пианисты: как была непохожа порывистая, романтическая Элиса Вирсаладзе на мудрого не по годам англичанина Джона Огдона! В 1966 году победили профессионалы высокого класса, причем очень молодые. Уровень игры скрипача Виктора Третьякова или пианиста Григория Соколова был открытием и одновременно свидетельством стремительно растущего исполнительского мастерства юных.

Наконец, последний конкурс. Вы знаете, что он увенчался безусловной и очень убедительной победой молодых советских музыкантов. По всем дисциплинам конкурса они были первыми, и лишь у пианистов первое место было разделено между советским и английским музыкантами. Мнение всех без исключения авторитетных зарубежных специалистов, бывших на конкурсе, единодушно: советская музыкальная молодежь была не только лучше подготовлена, — ее творческий кругозор, понимание нелегкого исполнительского искусства оказались в целом ряде случаев выше, чем у их коллег из других стран. Как справедливо подчеркнул польский виолончелист Казимеж Вилкомирский, победили не только отдельные музыканты одной страны, — победила система художественного воспитания, основанная на лучших традициях мировой музыки, на прочном фундаменте общегосударственной заботы об эстетическом и идейном формировании молодого поколения.

Среди наших победителей конкурса, конечно же, большинство — комсомольцы. Например, певица Тамара Синявская была делегатом XVI съезда *Трудный пассаж. Вдохновение. Са- жое тяжелое позад.* (Участница конкурса виолончелистос Гейл Смит, США.)



да ВЛКСМ и является лауреатом премии Московского комсомола. На конкурсе имени Чайковского она разделила первую премию со своей коллегой по Большому театру Еленой Образцовой. А вокалистка из Киева Евдокия Колесник на последнем съезде комсомола была избрана членом Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ. В этом характернейшая особенность нашей творческой молодежи. Она всегда активно участвует в общественной жизни страны, отнюдь не замкнувшись в профессиональном кругу.

А ведь как это важно для формирования творческой личности! Последний конкурс имени Чайковского поставил множество проблем. Многие изменились в мире музыкантов за эти четыре года. Все стало хронично играть! По каждой дисциплине конкурса у южии возникала трудная номер один — критерии отбора. Он был очень суров. Теперь стало известно, что решения принимались с учетом сохлых делов баллов. Борьба была попорту жестокой, но победили те, кто и должен был победить...

ТВОРЧЕСКИЙ МОМЕНТ...

В сфере художественной стало ясно, что для победы на конкурсе турского уровня просто владеть своей профессией, быть блестящим исполнителем теперь мало. Скрипач рижанин Гидон Кремер, воспитанник Московской консерватории, англичанин Джон Лилл, его коллега пианист Владимир Крайнев, японская скрипачка Маюми Фудзикава, певица Елена Образцова — музыканты, о профессионализме которых и говорить как-то неудобно. Мастерство здесь само собой разумеется и служит подспорьем для нового прочтения музыки. Это люди еще очень молодые, но совершенно самостоятельные и оригинально мыслящие. Они величественно выучены, свободно ориентируются во всех стилях и эпохах. Это еще и новое поколение в музыке, артисты, чье мироощущение сложилось во второй половине нашего века. Свое новое отношение к музыке победители не боялись высказать на конкурсе во весь голос. А риск имелся. Протопреренные пути

удобны и при обгоне... Но наблюдалась на этом конкурсе в Москве и другая тенденция. Некоторые молодые музыканты явно перораздвинули спортивную сторону происходящего. «Суперремьми», утированные эмоции, эффекты, лежащие по другую сторону художественного вкуса. Грешили здесь чаще всего американские пианисты, которых приехало на конкурс двадцать три!

МОМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ...

Он играл на нынешнем конкурсе имени Чайковского чрезвычайную роль, учитывая и определенное равенство сил и спортивную сторону состязания. Любопытно, что на конкурсе начала свое исследованиескую работу группа ленинградских врачей-психологов. Наконец-то! До сих пор их вниманием пользовались лишь спортсмены. Но уж роль в музыке тоже есть соревнования, то, конечно, необходимо разработать его психологические аспекты. Впрочем, торжествовал не новый принцип внобедаете задого до конкурса. Делалось это с полным основанием людям, хорошо осведомленными о положении дел на «виолончельном фронте». Разговоры эти не были для Янлин секретом. В самом деле, она музыкант очень яркая, опытный, имела уже одну крупную международную победу. И вот Янлин начинает играть на конкурсе имени Чайковского. Уверенно, солидно, но с ощущением апервой премии в кармане. Ошибка не замедлила сказаться. Сначала досадные просчеты в мелочах, а за ними — нервозность. И вот второй тур сыгран слабее, чем ожидалось. В результате Виктория Янлин получает, правда, очень почетную, но вторую премию. Победитель — советский музыкант Давид Герингас, кроме прочих достоинств, психологически шел к победе вернее. Триумфатор у вокалисток Елена Образцова тоже была уверена в победе, как она сама потом признавалась. Певица приняла для себя решение — петь, как будто это не конкурс, в большой парадный концерт. Толь-

ко для публики, очне квалифицированной и строгой.

МОМЕНТ ТАКТИЧЕСКИЙ...

На конкурсе нельзя что-то играть ярко, что-то слабея. Публика протит срывы, если ты артистичен, эффектен в некоторых произведениях. На конкурсе южии не может позволить себе пропустить погрешности даже ввиду большого потенциального дарования музыканта. Конечно, все старается учитывать. Но пресловутый соревновательный элемент!... «не зюбо» — сказала одна очень молодая и известная пианистка — Палец соскользнет с клавиатуры. Случайность. А последствия на всю жизнь... Дело обстоит не так трагично, но доля горькой истины в этих словах есть. Конкурсный музыкант особым, по силам не уступающий настоящему концертанту, но атрое более собранный, целеустремленный и смелый. Времени справиться с волнением здесь нет, возможность реабилитировать себя в следующем туре минимальна. Пример нынешнего конкурса. Американский пианист Андре Лотто. Победитель многих международных соревнований, сильный исполнитель. До начала конкурса ходил в числе возможных лауреатов. К первому туру отнесся тактически неграмотно. Расценил его как просто отборочный, где можно не выкладываться. Первое впечатление публики и южии — разочарование. И продолжить его потом не удалось. А как блестяще в этом смысле играл победитель у скрипачей Гидон Кремер! Первые два тура — на высшем уровне. Третий тур — и оказалось, что все-таки Кремера мы до сих пор плохо знали. Тут-то он и доказал свою принадлежность к мировой скрипичной элите.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ...

Джон Лилл, так удачно выступивший в Москве ныне (конкурс, кстати, был первым в его жизни), сказал, что в наши дни, по его подсчетам, музыкант может беспорочно пережить за состязания на состязание, важно только успевать к началу

и вовремя подавать заявки... Лилл по-британски ироничен. А конкурс — между тем, каждый год в мире проходит около трех тысяч! Без них, конечно, них за последние время не выдвинулся ни одного молодого исполнителя. Такое положение устраивает далеко не все. Многие со-лидные музыканты резко отымаются о конкурсной системе. Обозначения следующие: не все приспособлены к конкурсной игре в силу причин и творческих и психологических. Справедливые возражения вызывают следующие: иногда решающие на конкурсах судьбы молодых. Все верно. Музыкальные соревнования, метод их проведения и мушкетера в соревновании и в реформе. Возможно, кроме них, надо чаще организовывать фестивали молодых исполнителей без распределения призовых мест. Такие мероприятия вместе с конкурсами позволили бы более объективно судить о музыкальной молодежи.

Но публика любит конкурсы все больше и больше. Ее-то как раз элемент борьбы в сочетании с высоким искусством привлекает больше всего. Вспомните залы нынешнего конкурса. Кипящие страсти. Массы людей с блокнотами, где протоявляются собственные оценки. Споры в ожиданиях решения жюри. В музыке истина торжествует гораздо чаще, чем в спорте. Одна из целей конкурсов — способствовать ее скорейшему выявлению. Для искусства, для той публики, которой оно служит — в высшем смысле, как товарищевали герои Достоевского, — конкурсы способствуют делу самой широкой и демократической пропаганды МУЗЫКИ. И лоскуны они прериссны.

А конкурс, носящий имя Чайковского — источник настоящей радости для очень многих, — еще не раз заставит нас и восторгаться, и волноваться, и переживать неизбежное время приближения к великому искусству.

Исполнитель и публика. Победитель среди пианистов — москвич Владимир Крайнев.

Иван ЗЮЗЮКИН

Воспоминаниях тех, кто знал его еще мальчиком, и тех, кто познакомился с ним в студенческие годы его жизни, сохранилось много характерных переживаний, порой даже похожих на повторы. Всем запомнились примерно одно и те же качества его ума, характера и черты наружности. Причина этих совпадений лежит, конечно, не в авторах воспоминаний, а в Александре Ильиче, в удивительной целостности его натуры. Семейное воспитание заложило в нем такие духовные и нравственные твердкости, какие не смогли расшатать ни возрастная ломка отрочества, ни жизнь вдалеке от родного дома, ни роковые события в его жизни — вступление в террористическую группу, арест, суд и смертный приговор.

Обаяние его личности проявлялось так рано, что он, в самый старший ребенок среди детей Ульяновых, стал признанным кумиром своих сестер и братьев, вторым, после родителей, центром семьи. Причем ни тогда, ни потом Александр Ильич сознательно не стремился быть центром чего-то. «Это было естественным результатом его силы», — повествует нам его сестра Анна Ильинична. Отметим сразу: сила внутренней сдержанности, заключенной прежде всего во взгляде, жесте, в суждении, высказанном тихо и твердо...

«Его пример и влияние в семье не может быть переоценено», — пишет Анна Ильинична. При этом она имеет в виду и себя, старшую сестру, но еще в большей степени следующего брата, Владимира Ильича. «С наступлением некоторой сознательности... так, лет с 5—6, — рассказывает Анна Ильинична об этих годах жизни Владимира Ильича, — старший брат стал для него высшим авторитетом, предметом горячей любви и подражания. О чем бы в те годы ни спросила Володя, он отвечал неизменно одно: «Как Саша».

Арест Александра Ильича был полной неожиданностью для семьи, а его казнь — страшным несчастьем, которое в семье ожидали, но в душе все-таки не верили, что оно свершится.

Общественства слове Ленина, которые он произнес, когда узнал о гибели брата: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти. На трагическую ошибку старшего брата, вершившего в террор как в средство политической борьбы, Ле-

нин сумел взглянуть и как на ошибку историческую, которую нельзя больше повторять. По образному выражению Ивана Ильиничина, кровь Александра Ильича заревом революционного пожара озарила путь его брата Владимира Ильича.

Но как ни огромно значение личности Александра Ильича в жизни Ленина и целой плеяды борцов за социализм, оно только этим не исчерпывается. Александр Ильич Ульянов сам по себе принадлежит к числу замечательных людей. Все духовное, что в нем было, как в индивидуальности, принадлежит человечеству. Его короткая жизнь еще раз свидетельствует, как чисто, прекрасна и мятельна юность и как легко во имя высоких идеалов она идет навстречу величайшему самопожертвованию...

Все время, пока изучая материалы, посвященные жизни Александра Ильича, мысль неодолимо влечет к одно казнь. И, наконец, осознаешь: свет, идущий от последнего дня и часа, ярче, чем обычно, освещает облик этого юноши, помогает почти материально ощутить мужество как высшее состояние человека.

В арестование Александра III казни политических преступников стали совершаться тайно. Простая процедура — казнь на виду у всех — электризовала толпу, седела семена будущих мятелей. О том, как вела себя перед кезелью Александр Ульянов и его товарищи, мы узнаем из доверенного министра внутренних дел царю, отчета, составленного в протокольном и, по-видимому, во всем точном духе: «Ввиду того, что местность Шавельбургской тюрьмы не представляла возможности казнить всех питерых одновременно, зафлот был устроен на три человека, и первоначально выведены для совершения казни Генералов, Андрюхиных и Семенов, которые, выслушав приговор, простояли друг с другом, приложившись к кресту и борозжающим на зафлот, после чего Генералов и Андрюхиных громким голосом произнесли: «Да заревется Народная воля!» То же самое намеревались сделать и Семенов, но не успел, так как на него был нахнул мешок. По снятию трупов вышеозначенных казенных преступников были выведены Швеймер и Ульянов, которые также бодро и спокойно вошли на зафлот».

Рамки избранной темы позволяют мне остановиться вниманием читателей на поведении перед казнью лишь Александра Ульянова. Си все еще именно так, когда про человека можно сказать: тут он весь! Ведь люди, замечено, как живут, так и умирают. Александр Ильич, постоянно серьезный, по словам старшей сестры, «идентично страдатель на слова», всегда чуждый какой-либо игры на окружающих, остался верным себе и в последнюю минуту — был молчалив и спокоен. Но каким же твердым духом надо было обладать, чтобы бодро войти на зафлот, на котором только что — не по себе, — не на сцене театра, а наяву! — в страшных муках растянулся с жизнью трое товарищей...

Когда в Симбирске узнали, что сын покойного действительного статского советника И. Н. Ульянова Александр покусался на жизнь императорской особы, гимназическое начальство вызвало ученику Володе Ульянову такой утрек: «Вот ведь какой у тебя браток! Мы ему медали дали, а он вон что наделал». Хотя в истории уже было предостаточно примеров, когда ученики не оправдывали надежд учителей, все же легко представить, какое смятение послышалось в душе симбирского обывателя. Ведь Саша Ульянов с первого по последний год учения был образцом трудолюбия, прилежности и воспитанности.

Сохранившееся школьное сочинение Александра Ильича, написанное им в возрасте 15—16 лет, имеет название «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Перечисляя такие необходимые условия, как честность, любовь к труду, твердость характера, он увеличивает свои рассуждения проповедью и посылу разума и знания: «Человек, стоящий на низкой ступени умственного развития, не сможет ясно понимать, что полезно обществу, и не может, следовательно, приносить действительной пользы. Умственное развитие необходимо человеку так же, как и нравственное; без него деятельность человека может получить ложное направление... Даже по этому короткому отрывку, как по отдаленному отблеску грома, можно догадаться, какой огромной внутренней работой шло в мозаичном темном лабиринте подростка Александр Ильич, по свидетельству родных и друзей детства, не любив ходить в гимназию, тяжело переносил ее духовный климат. Самым большим

удовольствием для него было удивление в каминбуд закутке дома с книгой, опыты по физике и химии, за что он отцом Ильи и Николаем и в школу пропавшим философом в пустой кухне, был какой-то момент в его жизни, когда он перестал быть учеником своих гимназических учителей. Осталась только внешняя сторона, так часто обманывающая даже самых искусственных педагогов.

Позже стало ясно, что и все науки, гуманитарные и точные, воспринимались гимназистом, а потом студентом Ульяновым под особым углом, образующим его, но вовсе не в том духе, в каком хотами бы власть преподавшие. Даже такое разное увлечение Александра Ильича, как химия, придалось будущему революционеру. Когда группе понадобилось доказать, Александр Ильич изготовил его в короткий срок из подручных материалов. Но, чтобы сделать это и судьи не подумали, что он в группе выполнял лишь технические обязанности, на допросе Александр Ильич в чисто своей манере — строгий, несколько суховатый и интеллектуального участия в этом деле, то оно было важным, то есть все то, которое дозволяло мне мои способности и сила моих знаний и убеждений (Александр III, внешне мало изучивший все материалы следствия, эту часть показаний Ульянова отчеркнул и на полях оставил пометку: «Эта открытость даже трогательна!»). На суде Александр Ильич сказал: «Я никому отнесся к своему делу с меньшей серьезностью, чем к своему гражданскому общему строю, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждению, и которое руководило мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических наук это убеждение в неправомерности существующего строя вполне во мне укрепилося, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строгое научение и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно...» Он поднимался до политических и философских обобщений такой вызывающей остроты, что судьям и царю становилось ясно: этот двадцатилетний юноша уже не может быть жителем Российской империи ни в каком качестве, даже нечуждого горожанина, и должен быть убит.

«Этот юноша был бы блестящим способнейшим», — вспоминает профессор А. Серфимович, ани-

мо знавший Александра Ильича. «Он был молчалив и сдержан, что-то было в нем будто суровое начало. Но никто не видел, что внутри таилось ужасное... всегда чувствовалась, виделась крупный человек — таким его запомнил один из ученых Петербургского университета. «И молчалив, ты все молчишь», — говорил Александру Ильичу студент, который заговорил — и все перешло твое спуску...»

Когда среди студентов Петербургского университета вставал вопрос о руководителе какого-то общего дела, то часто вглядывались сосредоточившись на Александре Ильиче. Так, его всегда посылали депутатом от симбирских студентов в объединенное поволжское землетрясение, так он был избран в совет научно-литературного общества университета, а в первом же заседании совета — его секретарем. И когда машина заговора была уже на полном ходу, а руководителем террористической группы П. Шевырев и О. Говорухин оказались к моменту покушения далеко от Петербурга, взгяды оставшихся участников группы вновь сосредоточивались на Ульянове.

Установленным фактом является то, что студент Петр Шевырев предложил Ульянову и другим войти в группу, которой практически не было. Вот как была метод вложения в заговор, который применялся Шевыревым: «На вопрос: как велика группа? — он (Шевырев — И. З.) берет в ответ бумагу и пишет: «А. А. Б. В. Г. А. — метаматематика — сколько угодно. Б. — сигнализация — сколько угодно. В. — химия... тоже и т. д. Девят сколько угодно... тактика это сделала свое дело. Шевырев употреблял ее неоднократно». Когда повелась группа, что предлагалось сделать? — «Убийство царя — трудно, почти невозможно, Шевырев, усмесясь, говорил: «Для вас...»

Александр Ильич был в числе тех людей, которые входили в группу, которой считалось, что покушение неважно относиться к нему серьезно, надо готовить несколько месяцев. Шевырев, постоянно находясь в каком-то возбужденном состоянии, настаивал на более коротком сроке подготовки. Но в конце концов, что предлагалось сделать? — «Убийство царя — трудно, почти невозможно, Шевырев, усмесясь, говорил: «Для вас...»

Александр Ильич был в числе тех людей, которые входили в группу, которой считалось, что покушение неважно относиться к нему серьезно, надо готовить несколько месяцев. Шевырев, постоянно находясь в каком-то возбужденном состоянии, настаивал на более коротком сроке подготовки. Но в конце концов, что предлагалось сделать? — «Убийство царя — трудно, почти невозможно, Шевырев, усмесясь, говорил: «Для вас...»

сильно начато дело, возлагая всю ответственность на товарищей, но при этом проявляя большую волю. Вот тогда, став фактическим руководителем группы, Александр Ильич, как человек наиболее образованный в политическом и философском отношении среди своих единомышленников, разбирательство окончательно отстраняет от дела, и именно это, а не притворная динамика замоту его судьи в первую очередь при вынесении смертного приговора...»

Никто из нас не знает сразу в нескольких потоках времени. В чем-то они значительно старше самих себя, в чем-то наивны, как дети. Александр Ильич и его единомышленники соединяли в себе эти качества.

Несколько до покушения члены группы студент Андрияшкин пишет товарищу Пялково, но поразительно неосторожное письмо, которое попадает в руки полиции. Дата покушения называется на 1 марта. Почему? Потому что роман писался в этот день бы Александр П. Члены группы с бомбами за плузой и под мышкой ходят около Зимнего дворца, ожидая, когда же царь покажет нос на улицы. Они уже заранее написали прокламацию по случаю убийства Александра III. Во всем этом анализу не столько зрелость и опыт, сколько юношеская страсть и нетерпеливость.

Но предвстает перед судом, все это, за немотивированным исследованием, открытая верность адвокатов, тот, что подготавливает к покушению совершалась на состоянии эффекта». В их речах, репликах на суде ясно вылилось до предела зрелая ненависть к самодержавию, но всем формам угнетения человека. Александр Ильич, будучи отвлеченным от забот, что самому иметь возможность высказаться своим взглядам, произнесет на суде такие слова: «Среди русского народа всегда найдется десятки людей, которые настолько пропитаны идеями и настроениями, что горю чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь...»

Еще за несколько месяцев до выступления в Группу Александр Ильич, будучи отвлеченным от забот, что самому иметь возможность высказаться своим взглядам, произнесет на суде такие слова: «Среди русского народа всегда найдется десятки людей, которые настолько пропитаны идеями и настроениями, что горю чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь...»

СМЕНА

«ЗНАКОМЫЕ»

«Знакомые» — друг или враг? редакция получила много читательских писем, продолживших разговор о роли киноискусства в жизни молодого человека. Проблема заинтересовала и читателей «Смены». Положение статьи показало нам дискуссионным.

А. Хохлов из Казахстана не соглашается с мнением редакции. Он предлагает развесить экран может быть «врагом»? Свое недоумение по этому поводу он основывает на воспоминаниях о кинофильмах своего детства.

«Я обанованный рабочий-литейщик, кино любил всегда и буду любить... Мне сейчас 43 года. Детство, юность, зрелые годы провел в городе Запорожье. Мне на всю жизнь запомнилась коллективная посещение кинофильмов нашим классом. Кино всегда оставалось для меня особенным, увлекающим зрелищем. Когда в классе в меклальных классах, мать и отец говорили: будущее хорошо учиться — будущее получать каждую шестидневку на кино. Кроме того, в память мне всегда будет блестящая экскурсия, бегав в магазин за хлебом, исполняя все без пререканий — таким стимулирующим фактором было для меня кино. В нашем детском кинотеатре перед началом сеанса мы пели песню, как объясняли содержание фильмов, которые мы смотрели...»

«Осве опубликования статьи «Знакомые» — друг или враг? редакция получила много читательских писем, продолживших разговор о роли киноискусства в жизни молодого человека. Проблема заинтересовала и читателей «Смены». Положение статьи показало нам дискуссионным.

А. Хохлов из Казахстана не соглашается с мнением редакции. Он предлагает развесить экран может быть «врагом»? Свое недоумение по этому поводу он основывает на воспоминаниях о кинофильмах своего детства.

«Я обанованный рабочий-литейщик, кино любил всегда и буду любить... Мне сейчас 43 года. Детство, юность, зрелые годы провел в городе Запорожье. Мне на всю жизнь запомнилась коллективная посещение кинофильмов нашим классом. Кино всегда оставалось для меня особенным, увлекающим зрелищем. Когда в классе в меклальных классах, мать и отец говорили: будущее хорошо учиться — будущее получать каждую шестидневку на кино. Кроме того, в память мне всегда будет блестящая экскурсия, бегав в магазин за хлебом, исполняя все без пререканий — таким стимулирующим фактором было для меня кино. В нашем детском кинотеатре перед началом сеанса мы пели песню, как объясняли содержание фильмов, которые мы смотрели...»

По мнению тов. Хохлова, внешние подражки извлекаются Фантома

сом» потому, что утерны традиции кинотеатра его детства, что сегодняшние ребята в кино не поют песни и не кричат в их жизни перестал слушать танки же оном в мир, как это было тридцать лет назад.

Но в ответ на это письмо, уступил из вида, что 30—35 лет назад кино было для молодежи едва ли не единственным оном в мир... ведь не могли не возникнуть «братские» о его волнующем всемогуществом плонковые радиоприемники, иногда труппе для прослушивания передачи персональных слушателей. А раз так, то школьная программа 30 лет назад была чуть ли не наполнена меньше нынешней, а уж о терминах детской и юношеской литературы, о размерах ежегодного кинопробега, о материальной базе технического и художественного детского творчества и говорить не приходится!

Нынешние дети погружены в культурную среду чрезвычайно возросшей насыщенности, если сравнить с бытом 30-летней давности. Они, конечно, имеют некий свой мир. Но коллективный поход в кинотеатр вряд ли сможет стать событием в их жизни. Они привыкают к положительному ежедневное телевидению в мир, разрастающую перед ними. И немногие родители используют сегодня кино как «стимулирующий фактор», обещающий примерное поведение денег на ки-

но. Кино вошло в быт, стало будничным элементом повседневности. И дело тут не в утерных традициях запорожского детского кинотеатра, а в новых, усложнившихся условиях жизни.

«Знакомые» — друг или враг? редакция получила много читательских писем, продолживших разговор о роли киноискусства в жизни молодого человека. Проблема заинтересовала и читателей «Смены». Положение статьи показало нам дискуссионным.

«Знакомые» — друг или враг? редакция получила много читательских писем, продолживших разговор о роли киноискусства в жизни молодого человека. Проблема заинтересовала и читателей «Смены». Положение статьи показало нам дискуссионным.

А. Хохлов из Казахстана не соглашается с мнением редакции. Он предлагает развесить экран может быть «врагом»? Свое недоумение по этому поводу он основывает на воспоминаниях о кинофильмах своего детства.

«Я обанованный рабочий-литейщик, кино любил всегда и буду любить... Мне сейчас 43 года. Детство, юность, зрелые годы провел в городе Запорожье. Мне на всю жизнь запомнилась коллективная посещение кинофильмов нашим классом. Кино всегда оставалось для меня особенным, увлекающим зрелищем. Когда в классе в меклальных классах, мать и отец говорили: будущее хорошо учиться — будущее получать каждую шестидневку на кино. Кроме того, в память мне всегда будет блестящая экскурсия, бегав в магазин за хлебом, исполняя все без пререканий — таким стимулирующим фактором было для меня кино. В нашем детском кинотеатре перед началом сеанса мы пели песню, как объясняли содержание фильмов, которые мы смотрели...»

Видимо, экран может быть все же и «врагом». Своим доступностью, обещанием необременительного и различного рода удовольствия, доступностью имен и названий экран нет и не начинает играть со своим зрителем на подковыки — из категории «враг» — это положительное ежедневное телевидение в мир, разрастающую перед ними. И немногие родители используют сегодня кино как «стимулирующий фактор», обещающий примерное поведение денег на ки-

решу так: «я не решаю еще многих вопросов, как усталость личности, а что еще является основой социальных... Ведь если естественные науки только теперь становятся настоящими науками, то что же представляю собой социальные науки? Ясно, что не следует думать социальные вопросы. Я конечно, предпочитаю научное решение — иное не имеет никакого смысла...»

О праве руководить его научной работой спорят два крупных ученых — химик А. Бутлеров и зоолог Г. Батлер. За диссертацию о коллоидных червях ему присуждают золотую медаль. Ректор университета (откуда я было ему знать, что он скоро поедет в ту же неприятную историю, что и симбирское гимназическое начальство?) с высокой кафедрой торжественной атмосфере вызывает студента Александра Ульянова «господство Петербургского университета». Это было зимой 1886 года. А зимой 1887 года Александр Ильич свдет эту медаль в комбайн, чтобы на выданные под такой же депозит устроить товарищу, которому грозила полицейский арест, побег за границу.

Разгон студенческой демонстрации, в которой принял участие Александр Ильич, увольнение негласно правительству и ректору преподавателей, ужесточение всего режима университетской жизни — эти и другие события заставили юношу, по складу ума исследователя и мыслителя, оторваться от репутации, поддаться толковому и прислушаться к зову своей славной и горькой судьбы. Попутно с тем, что происходило вокруг, в Александре Ильиче шла взаимодействие тех самых процессов, над которыми он задумывался еще в гимназии, — умственного и нравственного развития. Он жаждо читает и даже переводит на русский Маркса, много размышляет над тем, как лично ему поступать в этой нестерпимо острой политической атмосфере. В нем, как и во всех великих людях, одолевало обостро, угодило добро, потом, под влиянием растущего недовольства существующими порядками, до предела накалялось чувство негодования. Достаточно было легкого толчка, чтобы крошечный интригант заявил ста отчаянным решимостью, инерном, хотя науку, к которой Александр Ильич, по словам одного товарища, «питал почти религиозные отношения», он и тогда не бросает.

«Александр Ильич — человек практической точки зрения не успев сделать чего-либо существенного. Как будущий ученый, он еще только был на пути

к открытиям. Покупку, которое он вместе с товарищами хотел совершить, чтобы, говоря его же словами, поднять революционный дух народа, подорвать веру в обманное правительственной силой... Но, несмотря на это, Александр Ульянов не был ни к чему изначальным личностью своей истории. И вот почему: по мощи прозорливой и моральным качествам он значительно превосходил средние уровни времени.

В те страшные годы очень многие задавали себе вопрос: до каких же пор будет продолжаться насилие и террор сверху? Многие мало-мальски грамотные люди видели, что самодержавие давно уже прогнило, преругилось в пугало и поминение всего мира. Видели и в мозгах, и в действиях самодержавия. Но всегда были и будут люди, подобные Александру Ильичу, которые, не испытывая на себе всей тяжести социального угнетения и политического притеснения, а в лишениях и обиды других видят личный ущерб себе: в них острее уты бытия упираются больнее и невыносимее, чем в кого-либо...»

Александр Ильич ввел себя на суде так, что один из барских спикеров, присутствовавших на процессе: «...из всех соподсудимых он произвела наиболее симпатичное впечатление, как искренне преданный tutto делу, за которое пошел на казнь...». Он отвечал на все вопросы следователю, председателю суда, прокурору корректно, но и с чувством незыблемости. Был математически точен в показаниях: сказавшись его органическая неспособность к обману. Вот характерный отрывок из стенограммы допроса посетителя Ульянова на процессе: «Вопрос: Кто принес... прокламацию? Ответ: Я. Вопрос: Они были отпечатаны? Ответ: Гектографированы. Вопрос: Кто их гектографировал? Ответ: Тоже я. Вопрос: Никто больше не принимал участия, кроме вас? Ответ: Нет, помогал один лишь. Вопрос: Кто же? Ответ: Я отказываюсь назвать...». Приняв на себя виню других, Александр Ильич заторопил их собой от смертного приговора. По словам одного из членов группы, оставшихся в живых, в глазах Александра Ульянова во время суда он прочел «бесповоротную решимость умереть». Он не хотел, чтобы его помиловали.

В последних дней Александр Ильич откладывал писать что-то прошение о замене смертной казни катком-либо другим видом наказания. Объясняя ма-

тери Марии Александровне, почему он вечною заключенно в тюрьме продолжает казнь, Александр Ильич сказал: «Ведь там и книги дают только духовные, ведь это до полного идиотизма доведет. Неужели ты бы этого желала для меня, мама? Потому что уступила неволе одного моего родственника, который ему сказал, что своей смертью он убьет и мать. Александр Ильич написал сухое, гордое, без всяких излияний верноподданнических чувств прошение, в котором прямо сказалось: «Прошу не ради себя, а ради материя. Вышло, что Александр Ульянов обратился с частной просьбой к Александру Романову.

Исход известен.

Один из тех, кого Ульянов спас от казни, так описал смысл и степень горюческого поведения Александра Ильича: «...идти на смерть сознательно и 21 год, на заре жизни, когда человек полон самых возвышенных стремлений и врет к делу, борьбе, жизни, а не к смерти... — это нужна величайшая решимость. На это нужна сильная воля, которая должна преодолеть не только все соблазны, открывающиеся воображению в личной жизни, но и самую жажду жизни, вложенную природой в молодой организм. Эти и другие душевные качества Александра Ильича делают его похожим на людей той разновидности русского характера, которую я насчитывал всех обрисовал Лермонтов.

Уже знал, что его ждет казнь через повешение, Александр Ильич деловит, интересуется вполне земными делами. Он просит мать посылить его единственный брат одному студенту, доставить в тюрьму стиха любимого Гейне. Но мы уже никогда не узнаем, о чем он думал, входя на эшафот, куда галдела с него в последний раз сквозь прерывающую мгу майского дня 1887 года. «Лучше тебя, благодарнее тебе нет человека на свете. Это не я одна скажу, но как часто: это скажут все, кто знал тебя, солишно мое ненаглядное!» — написала ему перед казнью Анна Ильична. Лишь живое ведало ступит, когда Александр Ильича уже не было среди живых, медленным конвейер тюремной цензуры донес ответ братеestre. В нем Александр Ильич, наперекор приведенному в исполнение приговору живого человека, ни о чем для себя не просит, кроме одного — прощание в родных за переживания и горе, которые он им немалю причинил...

ница из Челябинской области В. Филиппов:

«В начале учебного года мы как-то разговорились с ребятами (я меня восьмой класс), какие фильмы шли летом в городском кинотеатре, что им понравилось больше, что запомнилось. Вы знаете, у меня волосы дыбом встали... что же делать? Дельно нужны радикальные меры, какавто-то нам уже надо... «идеи молодых людей, уходящих с «галагата?»...»

«О «системах», в необходимости которой уверена учительница В. Филиппов, пока не существует. Немного энтузиазма — ведь это «добровольные» заставше на себя обязанности кино-воспитателя юношества, испытывают больше трудности. Вот писание учителя кинодела, руководителя киноклуба калининского интерната О. Баранова: «Мы в своей статье справедливо говорим, что клубы держатся на энтузиазме, который инерне не стимулируется. А ведь это — страшно! Ничего не задумываешь, сколько сил, времени, нервного напряжения требуют эта работа. Люди начинают стыдять тебя, если не хватает времени (жить и работать, и зарабатывать на содержание семьи, и общественную работу вести) ты не успеваешь выполнить что-то в клубе... бывают моменты, когда хочешь все бросить... Но опомнишься... — это так надо ребятам, так надо кинолюбному движению... и тынешь. Отдаешь всего себя, иногда в ущерб работе. А тебя уже не просит, с тебя требуют

Для десятков учеников О. Баранова занятия искусством кино, очевидно, стали потребностью, движущей силой духовного роста. А как бы десятком тысяч ребят, рядом с которыми нет педагогов-добровольцев...»

И тут нельзя не согласиться с Анастасией Н. из Ставропольского края: «У нас в селе некогда пойти — только в кино. Я лично в кино смотрю около 10 часов в неделю. В этом году посмотреть 365 фильмов! Но я от этого не стану путать хороший фильм с плохим. Способность видеть прекрасное дано не каждому. Эту способность надо развивать... вообще в интересах общества детей можно учить пониманию искусства. Школа — фундамент умственного и духовного развития человека. И если не развивать таланты, то не возникнет страшного вопроса: экран — друг или враг?»

«Разбирая почту, радуюсь письмам единомышленников, пытаюсь ответить на недоуменные несогласные, редакция пришла к выводу, что разговор о воспитательной роли кино требует продолжения. Например, студент мехмата Днепропетровского госуниверситета Евгений Карин просит помочь ему разобраться в том, какой смысл несет в себе слово «киноинтерес». Знаю, что лучше поговорить и об этом. А чтобы разговор был полезным для многих, хотелось бы получить от читателя «Смена» некоторую информацию об их киноинтересах.

Сегодня мы предлагаем вам своеобразную анкету «Смена». Ее смысл — получить исчерпывающую информацию о киноинтересах нашего массового читателя и вновь — еще глубже — проанализировать проблему воспитательной функции кино:

1. Ваши любимые фильмы.
 2. Понравившиеся Вам фильмы за 1969—1970 годы.
 3. Ваши любимые герои экрана.
 4. Ваши любимые актеры.
 5. Какие фильмы Вы бы показали представителям инопланетных цивилизаций, чтобы они поняли, что такое Земля, люди, наша страна!
 6. Представьте, что в магазине «Подарки» продаются фильмы. Какой бы фильм из виденных Вами Вы бы выбрали для подарка своему другу!
 7. Из каких источников Вы узнаете, стоит ли смотреть фильм!
 8. Какие темы Вы предложили бы для новых фильмов!
 9. Какому члену предложили бы экранизировать!
 10. Вы член киноклуба, слушатель кинолектория, киноуниверситета, слушатель кинофакультета, специально не занимайтесь кино!
- Сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе:
1. Ваш возраст. 2. Ваш пол. 3. Где учитесь! 4. Ваше образование. 5. Где вы живете!

Журналист Олег Попцов написал повесть «Хроника одной дружбы». Название это не случайное. Повесть Олега Попцова — о дружбе, о трудном житейном экзамене, экзамене на человеческое достоинство. ...На стройке крупного жилищного комплекса, где работает герой повести, происходит авария, в результате которой гибнут два человека. Причина аварии очевидна. Начальник строительного участка Николай Климов признает свою вину полностью, чем облегчает ход следствия. У же становится суд и вынесет приговор, уже герои повести ответили на те необходимые вопросы, которые могли возникнуть при выяснении дела, да и само дело считается законченным. Кажется, все и прошло, однако дружба не оставляет чувство вины, которое не отпускает героя. Дружба не верит в справедливость Климова. И, когда им бросают упрёк, что невозможно строить доказательство истине лишь на основе предположений, один из героев предлагает собеседника: не предвзвешенный, а убежденный. Это не поле. Это шахматная позиция. Бесспорная сфера в человеке, которого ты назвал своим другом. Суд закончился. Конфликт получил свое логическое разрешение. Но только тут, именно после суда, дружбе человеческой предстоит пройти самое серьезное испытание. Испытание на верность.

20 МАЯ

Пока шло следствие, он был замкнут и раздражителен. Мы часто собирались вечерами и уже в какой раз пытались это уяснить окончательно. На наши вопросы Николай отвечал односложно: да, нет, может быть, но. Со стороны даже казалось, он избегает нас. Предположения, догадки, протестаивания все это могло и, наверно, должно было вначале, после чего и появляется нечто целое, что принято называть выводом: он не виноват или, наоборот, виноват. У нас же все наоборот: «не виноват», «не мог так поступить» — существовало как что-то неизменяемое, раз и навсегда определенное, а все остальное — частности, которые, конечно, были, но были потом и лишь подтверждавались и тому главному и подтверждали нашу правоту. Что делать, мы действительно не верили в его виновность. Однако «мы» не значат «все». Как это доказать другим? Доказать... Доводы? Интуиция.

Нет, интуиция не довод. Это понятие даже нам. Для современной ошибки Николай своим собором и точен, иногда даже категоричен. Он мог обидеть иронией, вывести из себя начальника тresta, мог возмутить упрямством, точнее, самоуверенностью, оказаться добрым больше, чем нужно. Но забыть что-то... Нет, нет, это за него не похоже... Разве мы его плохо знаем? Мы знаем его отлично. Но тогда почему он не хочет нам помочь? Почему? Не может же человек желать, чтобы его осудили. Это же абсурд. — Давайте все выясним еще раз. — Давай... навеяло соглашается ребята. — Обязанности, что проверка подраночных путей обязательна. — Пожалуй. Тем более весной. — Сергей ломает спички. — Если я их проверил вчера, если я их проверил позавчера и вообще делаю это каждый день, что мне мешает их проверить сегодня? — Действительно, что может нормальному человеку помешать совершить нормальный поступок? И не-нормальная... Духовная депрессия... прерывает нам рассуждения Сашка и краснеет. Сашка всегда краснеет, когда произносит длинные слова. — Причину? Нервное потрясение. — Прократи ты дымить своей вонючей сигаретой. Мешает сосредоточиться. Димка виновато улыбается и аккуратно тушит окурок. — Да... Так на чем мы остановились? Мы остановились на Б. Итан, В — разлаз с друзьями, В — разлаз с Ленкой.

— Первое исключено. Ребята переагументуют. — Ис-ключено... подтверждает Сашка. — Второе... Что вы на меня уставились? Пожалуй, тоже исключено. — Пожалуй, тоже исключено. — Дима, приходи в обратную сторону. У меня начинает кружиться голова. И вообще... Сашка что-то рисует на листке бумаги. — Это что? — Надо положение. — Не смешно. — Почему жет? Губно, но верно... Димка громко кашляет. — Неприятно на работе, точнее, конфликт с начальством, разговор с работником. Первое с кем встречается Сергей. Их учатся рядом. — Нет... Сергей задумчиво мотает головой... — Нет. Во всяком случае, мы бы об этом знали. Он сматывает со стола обложку спичек. Следовательно, духовная депрессия опадает... — Я по очереди оглядываю ребят. — Похоже на это... — бормочет Димка. — Очевидно... присоединяется Сергей. — З-значит, дал указание... — заключает Сашка. — Пшшм рымско даа. — Предположение — указание дано... Вопрос: кому? Этот ребуе нам порядком надеен. — Если верить следствию, никому... — бормочет Димка и снова начинает кричать по комнате... — Если верить... если верить... Какого черта мы тогда здесь торчим? — Димка, у меня рябит в глазах, ты можешь сесть? Димка пожимает плечами. — Если вы настаиваете. — Наставляем... отрубает Сергей. — Да. Так на чем мы остановились? — Мы остановились на «кому». Духу мнения быть не может. Бригадирам. — Допустим.



— Чего допускать? Отпадает... Он молчит неохотно. — Я подписал все протоколы. Николай расстегивает рубашку и внимательно разглядывает себя в зеркале.

— Будем считать, что мне не повезло. Нам не хочется начинать этот разговор, но другого выхода нет. — Согласитесь, это ведь смешно: забыл проверить, забыл дать указания.

Николай смотрит на меня как-то отсутствующим взглядом. — Смешного мало, Иеша... — Рубака летит на кровать. — Ты что, полагаешь, я сам не думал? — Почему? Думал, наверно, но ты же не будешь отрицать, что все это очень странно.

— Что странно? — Все. И твоё признание, и твою уникальную забывчивость, и отсутствие бригадира камешником наверху. Николай опускает глаза. Я замечаю его печальную усмешку. Ничего странного. Перейди с цементным раствором. Попросил подстраховать.

— Не совет так... Просто мы получили разрешение выставить общественному запитанию.

— Вот как? И этим запитником будешь ты? — Видимо. Ты должен мне помочь, Николай. — Помочь? Чем? — Не знаю, но должен. — Я тебе не знаю. Эх, парни. Если бы не Сотин. Мне так хотелось бы поставить его на ноги. А он вялый и погуб. Нет Сотин. Понимаете? Нет! И в этом виноват я. Нам только кажется, нас судят. Судим себя. Мы! Мы — и никто иной... А что да перельвать из пустого в порожнее. Дело сделано. Протоколы подписаны. Суд назначен... Николай падает на кровать, забрасывает руки за голову и закрывает глаза.

— Устал, как я устал, ребята... — Легкий бульвар в полном составе, — пробормотал баритон за моей спиной. — Э-эх... Молодежь!

4 ИЮЛЯ

Суд заседал целый день. Помещение было слишком незначительным, чтобы вместить всех желающих. Разгневанный жад вымывающие гудел. Когда мы пришли, свободными остались лишь задние ряды. Впереди сидели незнакомые парни. — Работа есть, крышка над головой имеется. Живы себе в толде и людям на радость... Так ведь нет. С фатальной закономерностью в городе появились его старые друзья. Это не происходило бесследно. Сотин начал прогнунуть, пить. В такие дни он возвращался под утом, валился на матуку постель и подолгу лежал без видимого интереса к окружающему, уставившись в потолок потускневшим, отрешенным взглядом. Тогда Николай старался ему помочь, ругал меньше обычного, гнал в кино, тащил с собой на тренировки, оставлял у себя ночевать.

Иногда у него кое-что получалось, но только иногда. Чаше всего он наталкивался на ослепленный протест с бесконечным повторением: «Я сам, чего вы, я сам». В זאתе Николай мы верили слабо, советовали бросить.

— Бросить? Нет, ребята. Бросают окурки на мостовую, и то по причине низкой культуры. А тут человек. Попробуем еще раз. И все начиналось сначала.

Со временем дружки исчезли... Почему, кто знает? Исчезли — и все. А может быть, их сажали снова... Компания лихая, ноehr известный... И тут, как в хорошем театре, на сцене появлялся совсем другой Сотин. Находясь с самим собой, может, он и прежний. На людях человек чело-

векном, даже чуточку застенчивый. Грехи как-то сразу забывались. Уж больно ему был нештетный, человеческий вид. И даже наш несложный исповедно давал трещину. «Чем черт не шутит... Все бывает».

Сотни не раз настраивался уходить. «Вроде как на хвосте они у меня, и отставать не спешат». Видать, самому уходить придется.

Однако не ушел... Может, пришло, а может, раскочевало. И вот теперь его нет. И лишь эти шесть нерых рядов, заполненных угрюмыми парнями, напоминали о его трудной жизни.

ВЕЧЕРОМ 4 ИЮЛЯ

От официального защитника Николай отказался.

— Зачем? — сказал он на суде. — Преступления, и тем более предвзятого, я не совершал, защищаться перед кем-то у меня нет оснований. Я не связываю с себя ответственности за случившееся. Кроме того, подчеркнул, что виноват только я. Подкравшиеся пути 16 апреля были не в порядке. Проверил их их краповики? Не знаю. Должен ли был проверять сам? Очевидно. Кому-либо указаний на этот счет не давал. Вину свою признаю полностью. Мне очень... — Николай беспомощно посмотрел в сторону родителей Сотина, хотел еще что-то добавить, но неожиданно совсем тихо закончил:



Рисунок
Валерия
КАРАСЕВА

— Больше мне сказать нечего.

Был беспокойно вздохнул. «Утробил человека, а теперь интеллигентя карачи, сводача!» — надменно крикнул рябоватый парень. Впереди одобрительно загалдели.

— Это тебе не свидетельские показания давать! Телерича нашего брат... — Парень угрожающе поднял кулак. — Допрыгался?

— Заткнись! — выкрикнула кто-то на шагих.

— И те заткнись! — Рябоватый снова попытался встать, но его силой усадили на место.

Мы видели, как Николай пообедел.

Родственники Сотина сидели чуть сбоку, и со стороны казалось, что все происходящее их мало касается. Лишь время от времени плачет отца судорожно выдрагивали.

Я выступал четвертым. Позади была не одна бессонная ночь, окутанная мраком изрезаний выдающихся юристов всех времен. Не одиножды воспламенное воображение рисовало мне образ, облаченный в строгую мантию, перед уполномоченным и резущим залом, после чего я просыпался в холодном поту и долго не мог заснуть, тераемый сомнениями и предчув-

ствиями. Однако усталость брала свое. На смену залу уполномоченному являлся зал уполномоченный, и тогда тон мой становился безмятежным и радостным. Но все это было гре-то далеко позади. А сейчас я беспомощен и несоизмерим до безобразия. Выплатительные речи Коиг, уничтожающие афоризмы Спинозы, виртуозность полемики Цицерона — все то, что я пытался впитать в себя за последний месяц, куда-то испарилось, и я остался один на один с раздраженным залом и слабым подобием трибуны, с которой мне предстоит сказать речь, речь общественного защитника.

Кому на нас не хотелось видеть себя подиворешным, не лишеным шарма, мудрой былости в свои двадцать пять лет? Увы, но моя неопытность была безграничной.

Говорил я долго и сбивчиво... И не защищая... Мне хотелось очень немного, чтобы люди, сидящие в этом сдавленном и душном зале, почув-чуть отчетливое расчленение человека на бутылчатый колонный скрипучей перегородки, разглядывая подсудимого.

— Что может быть весомее, чем собственная жизнь? — спросил я и зала и сам себе ответил: — Ничего.

Моя речь могла показаться неподходящей, а весомость приведенных поводов весьма относительной. Видимо, так оно и было. В этом есть своя логика.

Я говорил, а меня неотступно преследовала мысль: «Все минара. Ты не сказал главного, чего-то очень значительного. Твои слова никого не убеждают. Посмотри в зал. Он безмолвствует... Я смотрел в зал и не видел ничего, кроме колышущегося тумана. «Ты думаешь, это тишина, нет, это — бравальничка к твоим словам. Это провал. Какая глупая затея быть общественным защитником! В самом деле, кого может удивить жизнь? Удивляет лишь смерть».

«Тогда, на активе, он произнес подобную фразу... Хотел сказать главное, все время думал: надо сказать главное, и вот не сказал. Глупо». Почему яруг актив? Мне трудно ответить на этот вопрос. Подсудимый признал себя виновным. Речь защитника, по существу, бессмысленна. А значит, все то, что ты говорил или еще скажешь, чревато немалым вопросом: «Почему?»

Существуют жизненные ситуации, в которых человек обретает свое «я». В такие минуты все происходящее вокруг тебя второстепенно, ибо твой интерес в человеке, которого ты раз и навсегда определила умным или глупцом, решительным или трусом.

Полобные активы мало чем отличаются один от другого... Вед всегда много, обо всех не переговоришь. Строитель аечно критикуют.

Николай не собирался выступать. Назвала его фамилию, зал привнично гудел, мы переглянулись, а он как и я тем не было встал и быстро пошел к трибуне...

— Есть люди, о которых не принято говорить вслух... — сказал Николай, и зал словно опшарало тишиной. — Зачем существует критика? Вопрос риторический, и тем не менее я его задаю.

С точки зрения общепринятых норм доклад был критическим. Суть в другом: критика бессмысленна.



— Встает Судья!..
Зал шумно поднимается со своих мест.
— Можно сесть... можно сказать судья. Однако все остались стоять...
— Народный суд в составе...
Дальше шло перечисление фамилий.
...Рассмотреть дело...
Монотонно гудят голоса судьи, сдержанно покашливает зал, а тихо проваливаются в забытый мир воспоминаний.

Жарко... Так жарко, что каждые десять минут мы жем в воду...
На двоере прислаиваю им промок: я, Коля, Сережка. Сашка с Димкой за невестками... Кажется, с личным счастьем у них все в порядке.

— Славное...
— Я — нас... Сережка перевооружается на спину.
Мы с Николаем выжираем обычно дважды всех. Сначала вльем брыз. Потом переоруживаемся на спину.
— Тут мы одни... Я хочу тебе что-то сказать.
— Знаю, — отвечает Николай.
— Откуда? —
— Нигде, да гадывалась. Тебе нравится Ленка...
— С чего ты взял? —
— Достаточно погодить, как распыляется на твоей роже восторг, чтобы сделать вывод: либо ненормален, либо влюблен. Первое отпадает. Мы давно знакомы. Значит, второе...
— Ну, хорошо, пусть будет так, — соглашаюсь я. — Как ты на это смотришь? —

— Плохо.
— Почему? —
— Мне она тоже нравится.
— Попытайся поведать, — предлагаю я.
— Как хочешь... Только ты зря расстраиваешься... Неванно, кто первый влюбился. Ты, я или Сережка.
— Как? И Сережка тоже? —

Но о чем не хочется говорить. Назад вльем молча. Потом валедем на левый И не переоруживаю.
— Слушай, это все серьезно? —
— Не веришь, спроси у Сережи.
— Да у тебя в черту... Она сюда придет? —
— Наверное, — Николай лениво зовет. — Дуэль без зрителей — это не дуэль. А потом, должи же она кого-то выбрать.
— У тебя с ней что-то было? —
— Коля приподнимает на локтях.
— Вообще об этом не спрашиваю.
— Знаю.

Солнце мешает мне разглядеть выражение его глаз...
— Нет, не было.
— Открытие за открытие. У меня тоже нет...
Открытие — бескомпромиссное слово...

Вечер. Мы с Сашкой играем в шахматы. Сережка задрал ноги на спинку стула, читает. Димка с Николаем на баскетболе, скоро придет. У большинства из времени гаснет свет...
— Обормоты! ругается Сережка. — Неприятные обормоты.

Сережка ставит томик на полку.
В темноте дверь открывается. Лица не видно.
— Мальчики, — говорит некто. Голос мягкий, неучин. — Шурик у вас? — Это Катюша из вланского отдела, Сашкина любовь.

— У нас, — отвечаем мы хором.
Сашка задевает доску. Фигуры шумно падают на пол.
— Валий, доиграем в следующий раз.
Сережка закуривает.

— Слушай, а чего Коля так долго нет? —
И Димка, — добавляю я.
— Ну да, и Димка.
— Навтрягают новую комбинацию, наверное.
— А-а... Который так час? —
— Восемь...
— Пошла до девяти. Я мигном.

Врет. Пошла звонить Лене.
Открытие. Удивительная вещь — открытие.
...Утро. Сегодня воскресенье. Спи, сколько влезет.
Кто-то терзает меня за плечо. Открываю глаза — все лицо Николая в брызгах воды.

— Вставай... Скорее вставай.
— Что случилось? —
— Не спрашивай. Одевайся...

Минут через десять все собирается в нашей комнате. Николай нервно потрясает руки.
— Вест? —
— Да вроде бы.

— Пошла.
— Куда? —
— В парк. Выстреле.

Вчера проехал дождь, бежать сколько. Карабкаемся на холм. Николай вперед. Скорее, скорее. В нашем парке тысячи холмов тут. Это — самый высокий. Изнаю холм. Говорят, в честь Ивана Урюгова. Высокоты кто а чем был. Наверку прохладно.

Вспыхивает пот, тускла. Смотрю, отсюда хорошо видно нашу стройку.
— Ну и что? — равнодушно заметил Сережка.
— Подожди, сейчас.

Мы идём, как блещет туман. Очертания корпусов все резче. Сначала это равнины старого города. Еше минута. Забытый парк, две стрелы красной, как похорошительная верста, мачт. Светлеет крошка леса, контуры все отчетливее. И не размытую в утренней гужебине дугу горизонта, прямо на строительные леса тяжело выкатывается огненный шар солнца.

— Есть идея, — раздается за нашими спинами приглушенный голос Николая.
Нет сил оторвать глаз от стройки. Лучи ударяют нам под ноги. И ослепляющий свет обволакивает нас.

— Какая идея, Коля? —
— Отныне мы — коммуна-5. Возражения есть? —
Возражений нет.

— Почему ты не женишься? —
Мы забралась в первую попавшуюся аудиторию. Время от времени к нам заглядывают заочники.
Еще бить час ждем Ухлебынкова. Надо получить разрешение на до-строительную службу зачетов. Я хочу вдоль доски. Николай сидит за первым столом.

Его любимая поза — чуть откинувшись назад, нога заброшена за ногу. — Недавно мне рассказали историю одной марки, — роняет Николай.
— Прче чем звать марки? Разве ты не слышал моего вопроса? —
— Слышал. Поэтому и хочу рассказать... Так вот. Это самая ценная марка. ЮНЕСКО определила ее стоимость в 500 тысяч долларов. Известно, что она была выпущена еще восемьдесят лет назад во Франции. Всего в трех экземплярах. Желтая, голубая и красная.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к нам с Леной.
— Ты слушаешь, не перебивай. Одна из этих марок находится в личной коллекции Черчилля. Вторая является собственностью одного из крупнейших государственных банков Америки. А вот третья до последнего времени считалась потерянной. И ядугу на международном конгрессе фальшивки в одной из коллекций обнаруживается третья марка... Владелец коллекции живет в Ташкенте. Приобрел он эту марку случайно. Как и где приобрел, неважно. Это целый роман. Так вот. Когда удачные специалисты путем экспериментов установили, что это именно та марка, владельцы предложили за нее сказочную сумму. Он подумал и отказался. Когда его спросили, почему, он сказал: «Пока я владею этой маркой, моя коллекция лучшая в мире. Я не просто богатый человек. Я единственный. Допустим, я ее продам и сразу стану очень богатым человеком. Но даже очень богатым только тысячу...»

— Ну и чем же все кончилось? —
— Да ничем. Теперь этого человека охраняет государство. Так как номинально он владеет несметной суммой. Ему пятьдесят лет. Но при этом продать отказался.

— Какую же мораль? —
— Мораль... — залучило повторил Николай. — Единственное в своем роде всегда прекрасно...
— Чувства и недвижимость — вещи сугубо равные.
— Чувства, никак не могу поверить, что я — обладатель неповторимого. Мечта всегда недостижима сразу. Уже раньше готовишь себя к испытаниям. И ядугу сверхискусство само собой. Не надо никаких серб. Ты обладаешь мечтой.

— Значит, тебе повезло. Дуали сейчас не в моде. Этому стоит радоваться.

— Наверно, но я не хочу везения. Испытания должны быть, понимаешь? Иначе мечта беспомощна...

— А что говорит Лена? Ведь чувство может пройти.
— Пройдет? — Николай удивленно разглядывает руки. — Нет, нет. Так не бывает. Тогда это не моя мечта.

— Ты не прав, — неожиданно говорит и явлюх.
Парень, сидящий рядом со мной в зале суда, равнодушно оглаживает меня с пол до головы.

— Чт-во? —
— На основании статьи его сорочкою... гудит судейский баритон... Уголовный Кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Климов Николай Федорович приговаривается к четырем годам лишения свободы...

14 ИЮЛЯ

Его мет с нами. К этому трудно привыкнуть. Отрицает не его отсутствие, а сама мысль, что к этому следует привыкать. В те дни для нас не было частностей. Все являлось главным.

Вчера встретил Губченко. Он тоже был на суде... Погода наладил на перепад на автобус. Освободилось место заместителя главного инженера. Губченко — меланж. Женя поджевал носком ботинка землю и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Зря... Затем громко зевнул и уточнил: — Столько мытарств, и все зря.

— Ты о чем? —
— О нас... Неужели ты все-таки убежден, что он невиновен? —
— В пять, в десять раз больше...
— Вот как! Завидую... А ипроче, жру... Почему завидовать. Хочешь совет?

— Ну...
— Угонишься. Поверь, мы сделали все возможное. Но... проиграла.

— Зачем ты говоришь это мне? —
— Так... Совет добродетельный, не больше... Губченко лихо поддал кусок шпала и, перерывав через жубу, пошел на трамвайную остановку.

— Значит, проиграла, как сказал Губченко. Програла. И все зря? —
Я только сейчас заметил, что ид в другую сторону. Ничего не подделав, придется возвращаться назад.

— Но ведь мы сделали все возможное! Но надо нужно людям. Достаточно сделать все возможное или по крайней мере подумать так, и ты можешь быть сноснее. Твоя совесть чиста. Но где же та граница между возможным и невозможным? Кто ее устанавливает? Граница... А если ее нет? Если существуют иные параметры? Николай любит повторять это слово. Дл, обозначая для себя высший предел, сделать правилом невозможного. Это слово — граница условия — значит перейти в иной жизненный параметр, где жизнь не просто жизнь, а борьба.

Я не верю в беспомощность борьбы...



От переводчицы

В тбилисском Пантеоне на горе Мтацминда появился храм замечательного русского человека — поэта А. С. Гребедова. Его графическую кончину охватывала вся просвещенная Грузия той поры.

Пушкин, Лермонтов, Кюхельбекер, Маршальский, Миклошевский, Веткин, Гусакон, Зейболуцкий и многие другие отдали дань случайнейшему уважению древней грузинской культуре, породившей ее с великой русской культурой. Особенно много сделано в советское время.

Грузинская поэзия всегда отличалась не только неугасимой щедростью красок, обра-

зов, ритмом, но и глубокой демократичностью, художественным гуманизмом.

От равнин, где снежники — недолгая гостя до вершин с вечными снегами, от древнейших армян до новейших, от нежнейшего лиризма до горестивейшей оды, от столетнего замка до мой платочек — телом, общими словами, и овеявший и вступивший охват.

Грузинская поэзия живописна. И войти достойно в такую поэзию очень и просто. Билетов, жезлов стоять полком на жмю, где все дышит стихом! Нет, неземко.

Может быть, лучше наслаждаться поэзи-

„НАПИСЕМ ЛЕС“

Нодар ДЖАЛАГАНИЯ

ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА

Я и не знал, что дни меняют цвет.
Как листья, упавши и мамин зданый,
Что детских наших глаз наивный свет
Мы ницем в череде воспоминаний.

Я многое привык переносить.
Порой жару, порою холоду потяй,
Порой хочу я в прошлом уволить
Свои беззаботный смех. Хоть на минуту.

Порой грущу о детстве. Так олень
Грустит, ослив змю, об апреле.
Чем удивит меня грядущий день
В сравненье с тем, что видел я
доселе!

Ужель ничто меня не удивит!
Дни, познкая мысли, убегают.

МЕРТВЫЕ ЗНАМЕНА

В Москве, в Музее Вооруженных
Сил СССР, увидев знамена
поверженных немецко-фашистских полков.

Прокраденая игра с огнем,
С клубами дыма...
Беседа с прошлым, как с отцом,
Неотходима.

Пронел истории канал
Между веками.
Все, что минувший день познал,
Навек с нами.

Нам и пергамент говорит
Не о бумаге,
А о героях правды биты,
Об их отваге.

Удел поверженных знамен —
Предупреждение
Злу,
что осмелится
С Добром
Начать сравнение.

Мне кажется: вот так друзей теряют,
Когда напрасно день мой пробегает.

С меня взмает время полной мерой.
Я верю в путь, идущий далеко,
Хоть редко что
Беру теперь на веру,
А в детстве все на веру брал легко.

Идут года потоком непрерывным,
Даря труды
и седнну вискам.
Но иногда грущу я по наивным,
По детским тем, доверчивым глазам.

ВСЕ Ж ВРЕМЯ НАСТАЛО...

Не верилось мне, что придет этот миг...
Все и ж время настало (все минути сром)!
Вернуть фотографию, взятую мной,
И так захотелось мне быть одиноким,
Как раньше хотелось быть вечно с тобой.

Рука моя старые письма листает.
Узавувших строчек побрекший разбер.
И так дорогое лицо твоє тает,
Как вешний, не вовремя выпавший снег.

Не жаром, а холодом в сердце дозную
От слов, что написаны были тобой.
Как рыба, из рук моих ты ускользнула.
Себе показався я сетью пустой.

А все ж замечался. Былосе волнение
Ты будишь... Надежды не знают помех.
Как строчку любимого стихотворенья,
Твою вспоминаю улыбку и смех.

Не верилось мне, что придет этот миг!
Все и время настало (все минути сром)!
Вернуть этот снимок, познщенный мной,
Ах, так захотелось мне быть одиноким,
Как раньше хотелось быть вечно с тобой.

Мтвариса КЕРЕСЕЛИДЗЕ

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Я все чаще,
Все чаще,
Мама моя,
Шлю тебе письма.
Ты к вестному десятку уже подошла,
И все чаще и чаще
Я пишу тебе письма,
Чтобы не было в доме тебе одиноко,
Чтоб не думала ты:
Виноградные лозы похосили,
Чтобы все, как и прежде,
Имело свой смысл,
Свою цену.

Когда больше чайки
Унесут змю к морю,
Привезу тебе птиц золотых,
Техок внуков: Бакури и Таму,
Чтоб от радости ты
Поднялась на седьмое небо.

Я привезу тебе внуков:
Бакури и Таму,
Чтобы ты сильнее ощутила
Цену свою.
Ибо ты часто мне говорила:
Коль никому ты на свете не нужен,
Цена тебе меньше соломинки,
Даже если живешь ты в шатре
золотом,
И все какнется в мире бесцветным.

Коль никому ты на свете не нужен,
Даже если ты храмом представляешь
себя,
Ты бессмыслен,
Словно Светицховели!
Без фресок и без образов.

¹ Светицховели — храм, памятник древнего грузинского зодчества.

клива, родина, мощней мастеров. Но дарованы
художателю. Оно требует голоса.

Молодая грузинская поэзия развивается раз-
нообразно, как и молодая грузинская живо-
пись, музыка, кинематография.

Поэты, которые я перечисляю, чтобы представить
читателю «Степны», — поэты именно молодой,
новой.

Подар Джагалашиа приобретает все более
широкую известность. Голос его отчетливо заме-
тител среди голосов его современников. Он поэт, уже
в целом сложившийся. Думаящий поэт. Его
уже не раз переводили на русский.

Поэтесса Мтевриси Кереселидзе лирична, ани-
мателенна к природе.

Интересен и своеобразен Берда Берашвили.
Его привлекает тема мужества в ее сочетании с
темами робости и любви. Он не случайно избрал
к одному из своих стихотворений эпиграфом
строку Г. Леонидзе: «Написан лес грузин-
ский».

Будучи давно связан с грузинской литерату-
рой, я рад представить читателю этих молодых
поэтов. Вместе с тем хочу заметить, что поэзия
Грузии последних лет вообще обогатилась но-
выми именами и вызывает большой интерес.

ГРУЗИНСКИЙ.."

СНОВА ОЖИДАНИЕ

Я ждала тебя, как в горах чабаны
Ждут, когда разойдется туман змучный.
И была в тогда

то дождливой тучей,
То завутанным в облако лицом тучи.

И когда уста говорили: «Нет», —
Сердце сразу: «Да!» — пришло в ответ.
Как чабы отгору оберегает,
Я желала близости нашей свет,

О мечте о счастливой нашей судьбе,
Словно роз весеннее благоухание,
Я свой лучший апрель посвятила тебе,
Но была я позвана лишь
На омицданы.

И пришла я, как дождь —
Легкий шепсел и шум
Набеснал на притихший твой

пальсадинг.
И застала в дом твоих утренних дум,
Моя застала в дом
И мой виноградник.
Не взяла я с собой

ни печаль, ни беду.
Но я верность.

Я могу быть весной.
Я мороз отведу.

Растоплю я снегов
голубую безмерность.

Я могу быть улыбкою
ни слезой,
Только самой чистой на свете
слезою.

И смогу наконец
рядом-рядом
с тобой
Я услышать дальнее твоё дорогое.

Я могу удивительно строго быть.
Не услышать и ласоченьки восхищенья.
Ведь дыхание любимого может вынести
Все, что радует...
Верное это дыхание...

И сейчас, когда кажется, все до конца
Мы сказали,
сказали друг другу

до слова,
Омицданы мне нам греет сердца...
Омицданы, ты возвращаешься снова.

Берда БЕРШАВИЛИ

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Когда в груди уснятся биенья,
Сбоя тотчас почувствуешь бойком...
Хочу я так сложить стихотворенье,
Чтоб кто-нибудь пропел его потом.

Сердца друзей на крепость проверяю,
Ведь на просторах утренней земли
Я лишь такие травы собираю,
Что и большым бы помощью принесли.

И в дождь, и в снег заветную округу
Люблю. Волеенья в сердце не унять.
Я тем легко протягнуваю руку,
Кого взбодришь обязан кль поднять.

Знать не желаю я скуца такого,
Что редко словом теплым одарит,
Ведь я в словах ищу такое слово,
Что обиделет, верой озарит.

Я тех люблю, кто сам души не чает
В беспечной и бессмертной ребятне.
Но колыбель, которую нечет
Не мать — другая, горько видеть мне.

Возносит розы в птичьей перепалке
Шальное дуновение весны,
Но прежде роз

замечу я фиалки,
Они с рожденья более скромны.

Любовь дыхание милое сплетает
С мочем. Ты здесь! Да будет вечно так.
Порой тепла и сонливу не хватает,
Когда на поле облетает мак.

Занайством я от братства не отторжен.
Я сестель. И в недры, и в туманы
Я твердо знаю, знаю: что-то должен
Ручьям и сам великой океан.

Снеды святые предков
я целую,

Как ты, как он.
В нас общий дух горит.
Мы возном... Пронять бы желая танку,
Что кто-то с чистым сердцем повторит.

ЛИСТЬЯМИ ДУБА. КОРНЯМИ ДУБА...

«Написан лес грузинский»
Г. Леонидзе

Листьями дуба, корнями дуба,
Бельям строчивая рея...
Песню, что всех зеленее, думал
Я воплотить навек.
Песнь

человеческую на деле,
В немнны, как степь, стихах,
В млечных побегах Реацителы!
В долах и на горах.

В солнечных красках весны и лета
[Будущее само],
Родина, ты мой пергамент леса,
Свернутый, как письмо.

Лес мой грузинский, ты вдохновенье
Вечно шумящих строк.
Каждое дерево — стихотворенье,
Рифма — любий листок.

¹ Реацителы — виноград, растущий
в Алазанской долине.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК КОМСОМОЛЬЦЫ — СТРОИТЕЛИ
ЯВАНСКОЙ ОРОСИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
СВОИМИ ДЕЛАМИ ОТВЕЧАЮТ НА РЕШЕНИЯ
ИЮЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС

ВОСЬМОЙ ЦВЕТ РАДУГИ

Альберт УСОЛЬЦЕВ
Альберт ЛЕХМУС (фото)

ЭТО ЯВАН. Яван в переводе с таджикского означает безводный. Если путник прося просить, то ему выносили хлеб, фрукты, мясо. Воду не выносили. Вода в Яванской долине раньше считалась на капи. И каждая была дороже золота, потому что приходилось доставлять ее на шках за многие десятки километров.

Сверху долина похожа на гигантский стадион. Трибуны — горные края, окружающие Яван со всех сторон. Опавший ветер «арганец», перевалив горную гряду, казалось, выбирает долину местом своего постоянного отдыха. О воде слага-

ли легенды. Из уст в уста передавали яванские старики мечту о юноше Фархаде, который прокопал гору и пустил к своей возлюбленной Ширин живительную воду. Единственным его орудием была лопата. И работал он один. Гигантский труд сказочного Фархада покажется всего лишь каплей, сравнимой с морем, если сопоставить его с работой, выполненной строителями «Яванводстроя».

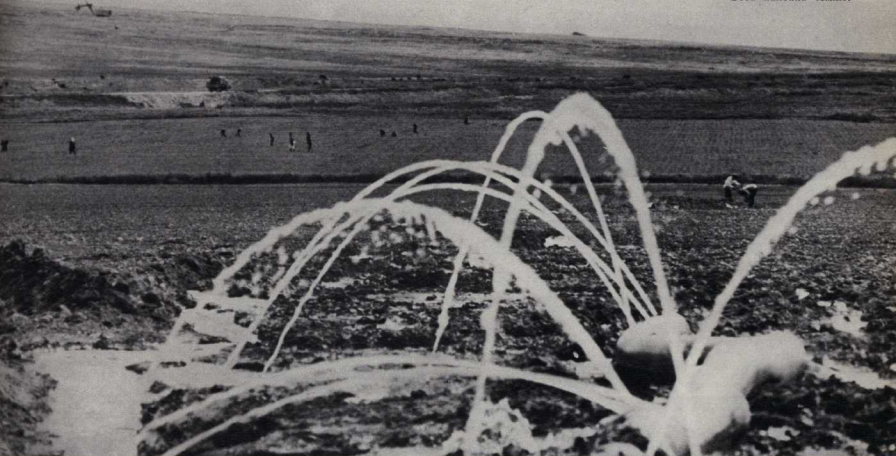
29 марта 1968 года в 12 часов 49 минут направленным взрывом было выброшено 1,55 миллиона кубометров скальных пород и перекрыто русло Вахша. Началось строительство Бизанзинского гидроузла.

Под хребтом Каратау был пробит

Молодой строитель Явана — комсомолец передвигает механизированную колесную № 12 Союз Баширова.

Вместе с людьми в долину пришла техника.





На улице Явана. Со смею.



тоннель протяженностью 7,4 километра, диаметром 5,1 метра. Он наклонен в сторону Яванской долины, и вода идет по нему самотеком. За выходным порталом она поступает в 600-метровый магистральный канал и в конце его делится на два ветви. Левая идет по ровному краю долины и потому сплошь самотечная. Правая — в горах, вдоль нее построены мощные насосные станции. Их шесть: пять в Яванской долине, одна в Обнинской. Каждая станция обеспечивает подъем воды на 35—40 метров. 54 тысячи гектаров земли будет освоено в первую очередь. 20 тысяч из них уже получили вахшискую воду. По 40—45 центнеров с гектара ценного тонковолокнистого хлопка собирают на обводненных землях. А раньше собирали всего лишь по 4—5 центнеров гузы — малоценного хлопка.

Семь строящихся новых совхозов уже через три-четыре года дадут стране более 75 тысяч тонн высокоуровневого хлопка, около 60 тонн животноводческих кормов, 10 тысяч тонн бахчевых культур и овощей, 3 тысячи тонн фруктов и винограда. И это все даст бывшая пустыня.

Сюда же следует добавить и свыше тридцати наименований изделий промышленности Яванской долины.

Рядом с промышленным комплексом возникнет и новый город на 120 тысяч жителей. Есть план детальной застройки шести микрорайонов.

От Термеза через Курган-Тюбе к Явану тянется железная дорога.

Будет построено 23 докера, 28 акведуксов, более 600 крупных гидротехнических сооружений. Для строительства оросительной системы необходимо выполнить земляные работы объемом 50 миллионов кубометров.

Цифры, цифры. За каждой цифрой стоят люди. Кто же они, эти строители Яванской долины?..

ЭТО САЙДАЛИ. Сайдали Сафаралев родился и вырос в Яванской до-



*Примечная операция —
монтаж водовода.*

●
Яванский хлопок.

●
*Курбан Абдурафиков
работает монтажником.*

●
Веселый летний дождь.

лине. Здесь окончил школу. Отсюда призвался в армию. Сюда же вернулся после службы. Работал на стройке шофером. И вот вызвали в партию. «Душанба, Сайдали, рекомендую тебя на должность начальника комсомольского штаба». Задумался Сайдали. Шутка ли, стройка-то Вессознава, ударная. Когда пробивали тоннель в горах, строителям были на одном решающем участке. А сейчас по всей семидесятикилометровой долине разбросаны. Из местных, захлама есть — что правда, то правда. И к земле сердце пришло не на день, не на год, а навечно. Помнил Сайдали эту землю, уставшую от безводья и жары, а потому неприветливую и даже жестокую. Отец растерял в ладонях сухую белую пыль и говорил тихо одно лишь слово: «Вода...» Помнил и хотел сделать землю женой, доброй. А женой ее делали вот эти парни и девушки, приехавшие со всех концов страны. В долине ныне звучит говор на сорока шести языках. А Сайдали знал только таджикский и русский. Не в хальце дело, успокоил парня секретарь парторганизации Сергей Петрович Серегин, главное, чтоб было беспокойство. Беспокойство за дело, за стройку, за ребят. Пустыня могла простить, слабость — ничего, со временем окрепнет; пустыня могла не заметить робость — ничего, со временем осмелеет, но пустыня не прощала и не прощала равнодушья. Это Сергей Петрович знал: он сам начинал Яван с первого колышка. Знал и подметил важную черточку в характере Сайдали.

В Душанбе в ЦК комсомола Сайдали сначала вроде бы «не прозвез впечатления». Понять можно требовательность ЦК: нет высшего образования, шофером раньше работал, а голос вроде бы положенной твердостью не обладает. И вообще слишком спокоен. Спокоен во всем — в речи,



в движинки. Как бы не проявилось это сплоскствие в делах.

Но потом стало ясно, что в том и сила характера Сайдали: в беспешности мысли, но верности делу. Таким был характер отца, такое качество звали Сайдали от своих предков, веками обживавших Яванскую долину, непокорную, коварную, — беспешокойство.

Свой человек Сайдали на стройке. До всего ему есть дело, будь то какое-нибудь «ЧП», требующее срочного участия рук комсомольцев, или совсем крохотный вопрос о... холодильнике.

Холодильник в пустыне... «Ну, уж это, девушка, в вашего обещания слишком большая роскошь!» Так отвечали хозяйственники на просьбу девчат передвизской колонны № 12 поставить в их общежитии холодильник для продуктов. У ребят такой «роскоши» тоже нет — и ничего, не жалуются. Местные жители вообще всю жизнь без холодильника живут. Девчат поддержал Сайдали. Доставили хозяйственники холодильник. Беспешокойство...

Пришла девушка на стройку. Надо бы в соответствии с образцовым поставить ее прорабом, а начальник участка воспротивился: молода еще, пусть в рабочих ходит. И, конечно, обиде в девчачьей душе. И крохотные взгляды со стороны: вот, мол, училась, училась, а наравне с нами лопатой растаор месилш. И, конечно, скороспелое завлечение на тетрадном листке: «Проси уполнить по собственному желанию». Узнал об этом Сайдали. «А к нам почему не пришлш?» «Куда это к вам?» — встречный вопрос. «В комсомольский штаб». «Так ведь я не знала... А вы что, можете отменить решение начальника участка?» «Дело не в отмене. Разберемся, что к чему. Может, тебя действительно надо поставить сразу прорабом...» Повеселела девушка. «А может, и нужно в рабочих ходит», — заклю-

чает Сайдали. — Учеба учебой, а на нашей земле строить — большое учение и опыт надо. Грунт слабый, под фундамент сначала сваи забиваем... Одним словом, понять землю надо. А с завлечением не торопиш. Зайди, зайди завтра в штаб.

Беспешокойство. Надо для рабочих душевные строить... Шодыгону Шарипову помочь план составить... Как-никак организация опромная, а свектаремы он всего несколько месяцев... Подумать о ритуале посвящения в рабочие. Недавно несколькими ребята вручили именные инструменты. Как светились глаза этих мальчишек! Ни слова, казалось, обычные говорим, и в наборах инструменты самые обыкновенные — из магазина, — но поди ж ты — у парней даже слезы на глазах выступили.

«Гутевки в ущелье... А это что такое? Девчата придумали: после напряженной рабочей недели поехать отдохнуть в Барзобское ущелье. Это больше ста километров. С ночевкой у костра, с песнями. Соня Баширова, комсомольский свектарш передвизкой механизированной колонны № 12, говорила: «С машиной что-то не клеится. Надо помочь».

И так весь день.

И так всю неделю.

И так весь год.

И только поздно вечером, шагая по пыльной дороге к дому, Сайдали вспоминает: «А Малике оранжевого мишку опять забил купить? Малика — дочка. Малика в переводе — цаца».

ЭТО ГУЛОМ. Гулом Шералиев — тракторист. Его могучий «бировец» с раннего утра в работе — то надо взят лопаты на участок, то перебросить комплект труб.

Гулом совсем недавно сменил солдатскую гимнастерку на комбинезон тракториста. Но и сейчас сохранилась у него солдатская подтянутость, аккуратность во всем. И сейчас Гулом



похож на солдат. В вагончике, что стоит посреди пыльной степи, ни люльки. Огня тщательно занавешены. Кругом чистота и порядок. И в разговоре армейская четкость. Вот и попробуй тут разговаривать парня, возспроси у него что-нибудь — такое, драматическое для журналистского блонюта. «Так точно». «Никак нет». «Работаю, нормы выполняю». «До армии работал на строительстве гектароузала». «Нормально работал, нормы выполняю». «Видишь в члене КПСС, скоро приминь меня в партию Будут, постарайся оправдать доверие». «Да, был делегатом XVI съезда комсомола». «Да, перед ребятами на участках выступал, рассказывал о съезде». «Дружья мои! Да вот они — Барат Хайров, Бобомурат Закиров, Абдулло Кадиров. Ничего, хорошие ребята, и работают хорошо, нормы перевыполняют». «А, да, дни рожденья мы отмечаем вместе. И подорож там и обед праздничный». «Манты сами стряпаем и шурпу варим».

Вот так. Но все-таки удаюсь — правду, у друзей! Гудило — узнать, что в этой на первый взгляд обычной жизни было и необычное...

...На строительстве Байназского гидротурба от весенних талых вод началось оползание. В котловане завалили машины, механизмы. Несколько дней и ночей не уходил бульдозерист Гулом Шераев с опасного участка. В прошлом году смыло грунт с насыпи. На участке создалась аварийная обстановка. И снова днем и ночью, не считаясь со временем и усталостью, работал Гулом, ликвидирова последние разбухавшиеся стены.

Но об этих бессонных ночах Гулом вспоминает с улыбкой. И вспоминает почему-то только смешные детали. Впрочем, ясно почему: вода от бывшего солдат. А солдат о трудном походе всегда вспоминает с улыбкой.

ЭТО СОНЯ, Соня Баширова.

— Нравится мне, понимаешь, нравятся секретаря ЦК комсомола Таджикистана Роза Бобосадидова. Я, понимаешь, даже влюблена в нее. Смешно это, наверное, но я влюблена. Есть в ней что-то такое... Ну, такое в ней есть, я даже не знаю, как сказать... А вообще вот бы ты была такой, как она... Знаешь, я однажды подумывала уехать из Яванди. Я ведь родилась и выросла в прохладных томенских лесах. У нас там и солнце мягкое, доброе, и трава, и лес... И стройка огромная радом... И радуга после дождя... Мать мне каждый месяц пишет: приезжай домой, Соня. А я как подумала: ну, уеду, а что я скажу Розе Бобосадидовой? Что я отвечу на ее вопрос: «Почему уезжаешь»? Вот так и идет третий год...

Строим, дома мы строим. Хорошо после себя на земле дом оставить... Жить в нем кто-то будет, а ты уйдешь дальше строить новые дома.

Сильных людей любить... Не знаю, как получилось, но подходит ко мне девушка одна. Хочу, говорит, я к тебе в бригаду перейду. А работала она в конторе, на строительной работе. Не бригадир, говорю, я, комсомольский секретарь... Но приходи, коль желание строить есть. Сейчас она у нас работает...

А домой я съезжу, вот получу отпуск и поеду. Вернусь ни Конченко, вернусь. Я ведь и маме не пишу, что здесь жаря сорок — сорок пять, что пустыня здесь пока... Но будет-то город, и земля будет... Все будет...

А радуга? Посмотри на дождевальную установку... Вот это и есть наша радуга. Восемьюцвет Созданный людьми!

...Разные по характерам строители Яванди долины. Но есть что-то у них общее. Лучше всего об этом сказал каменщик Владимир Зинкин: «Есть у человека два главных места на земле: первое — то, где родился, второе — где оставил своей рабочей след».



Рисунок
Александр
МЕНШИКОВА

Публикации «Смены»

Умер Лев Кассиль — замечательный человек, прекрасный писатель, открыватель удивительной страны Шахматриш и живых друзей стран — ведь каждая из книг была открытием новой обоготворенной земли.

От его книг остается четкое и ясное ощущение — ощущение чистоты. Его герои обладают замечательным свойством: память возвращается к ним всегда. Не зря даже названия повестей Кассиль звучат как афоризмы: «Черемухи — брат героя», «Улица младшего сына»...

Лев Кассиль был замечательным писателем. Но он был и замечательным человеком. Нет, пожалуй, ни одного детского писателя — ни молодого, ни старого, — чья судьба не соприкасалась бы с Кассилем, с его вниманием, советом, строгим словом неординарного критика. Многие годы Лев Кассиль вел семинар в Литературном институте, участником V, IV и предыдущих нескольких семестровых годовых писателей обильно слуш, как учителя бываю обильно учителя.

Судьба Льва Абрамовича Кассиль тесно связана со «Сменой». Здесь он печатал отрывки из своих первых повестей в далекие тридцатые годы, сюда заглядывал совсем недавно со своей новой статьей, последней в предельно осязаемую молодости. Надо сказать, что вообще непосредственно участие в делах комсомола Лев Абрамович считал непререкаемой и важной работой.

Горький когда-то заметил, что человек, чтобы остаться человеком в памяти людей, должен написать книгу, вырастить человека, посадить дерево. Лев Кассиль написал много прекрасных книг, вырастил сотни прекрасных людей эти книги, вырастил много деревьев — новых детских писателей.

Получил горькое уведомление о смерти старого друга «Смена», им, ее работники, раскрыли вкладки журнала и решили, что лучшей памятью писателю будет его новое выступление в журнале. Его новое обращение к молодым читателям...

Итак, Лев Кассиль. 1939 год. «Смена». Рассказ «Матч в Валенсии».

СКАЧКА ПО

Виктор ВОРОБЬЕВ
Фото автора



Шлемы, спасательные жилеты... В своих восточных спортивных магазинах всего этого полно на гробовое.

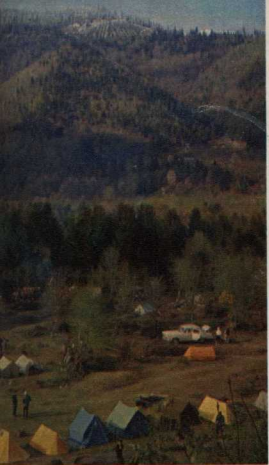
Городок слаломистов на Черном море.

Последние новости с дистанции: еще кто-то «кильнулся».

Нет, это не авария. Так состязаются слаломисты.



ВОЛЯНЫМ СТОЛБАМ



Водяные столбы — это из терминологи спортменов, соревнующихся на быстрых сливах горных рек, где вода, стиснутая берегами, гудит, как сильно нагнутый канат, а на поверхности образуются высокие, как бы стоящие на месте волны. Когда смотришь с берега, они не кажутся серьезным препятствием. Но вот на реке замелькали весла. Байдарка летит птицей, предельно напружены гребцы, тревожно вглядываются они вперед. Слово легкой мячик, подхватывает река лодку и мчит ее к водяным валам.

Несколько лодок оторкнулось на мои глаза. Гребцы с трудом выбрались на берег, а байдарки стали игрушками реки. Она выбросила их на берег измочаленными, ирешеченными в нескольких километрах ниже по течению. А мне все не верилось, что эти почти неподвижные столбы обладают такой силой. Серьезными я поделился с руководителем команды спасателей, мастером-инструментальщиком из Киева Валерием Гузем. Вместо ответа Валерий предложил: «В лодке одно место свободно — садитесь! Мы должны пройти всю трассу скоростного спуска — около 25 километров».

Через несколько минут, упаковав фотоаппаратуру в целлофановый мешок, я обличился в спасательный жилет и белую каску. Без этой амуниции на воду не пускают. Гуз, сидевший на корме, кратко проинструктировал: «Если вышибет из лодки, не пугайтесь и не суежитесь. Главное, не висните на бортах. Запомните: жилет не даст утонуть. Развернитесь лицом по течению. Ноги — пятками вперед. Старайтесь сразу выбраться на отмель».

Лодка вышла на быстрину и, словно обрета крылья, ринулась к цепочке водяных столбов. А гребцы, сидящие на бортах лодки — Валерий Жук и Александр Пенкисович, — налегли на весла.

Первый удар был довольно мягок, но следом за ним последовал второй, словно о каменный монолит. Этот удар сместил всех нас в лодке, потом она ни с того ни с сего встала на дыбы. Может

быть, мы и растерялись бы, но наш капитан (наверно, они все такие — спокойные, умудренные опытом) Валерий Гуз сказал:

— Мы потеряли скорость, парни! Навалили на весла! Грести ровно с двух сторон! Валерий! Никакой самостоятельности! Табаны я сам умею!

Парни налегли на весла, и когда лодка снова вздыбилась, мне из-за их ступи показалось, что они загребают синеву неба.

Следующие столбы дались нам легче, мы как бы подминали их под себя. Но каждый из них награждал нас огромной порцией воды, мы были насквозь мокры, а из лодки пришлось долго вычерпывать воду брезентовой кружкой.

Потом река подобрела, понесла нас плавню, и мы вдруг заметили, что по берегам цветут сады, на подблочных лугах рассыпаны горы овец и вообще в мире все без перемен. А за излучиной все повторилось сначала. Только теперь среди столбов затаялись два «жандарма» — одинокие острые камни, на которые река так и норовила вынести лодку. Однако мы успешно преодолели и эту преграду и еще много других, среди них и так называемый «прижим», где берег был вымощен бревнами, чтобы не застревали плоты, и к которому лучше не приближаться. И когда за «прижимом» потянулось большое участок спокойной воды (о нем Гуз сказал: дрянь река!), я уже начал понимать, что заставляя этих парней ежегодно приезжать на Черемош в гости к этой бурной воде.

А потом были еще перекаты и «прижимы», плесы и «жандармы», и нас несло и швыряло, накрывало водой и бросало на мель. Мне дважды везло, и я отчаянно грел (чувствуя стинной прищипывающий взгляд Валерия-капитана), инстинктивно наваливался грудью на борт под обрушающуюся лавину воды, а в душе росло радостное чувство приобщения к новому, захватывающему виду спорта.

Он еще совсем молод. Всего несколько лет проводится соревнования по технике водного туризма. Но у него уже богатая география: под Мо-



свой — на Волгу, под Кивом — на Тетере, под Рогом — на Аго, под Ленинградом — в Лосевском порого, и здесь, в Карпат, — на бурном Черемше русские и эстонцы, украинцы и латыши измеряют силами с быстрой водой. Инвентарь не имеет. Обычные туристские лодки для сдвальных пестрых ям, которые на прочих штурах разрешаются над рекой, образуют ворота разной ширины. В некоторых местах ворота укрепляются на огромных кучах. Соревнуясь, доводилось застрять в трассе, задавая вах не вслами, ни лодкой. Всякое касание штрафов.

Только смелость, прекрасное знание реки, физические подготовка, отличное владение лодкой могут привести гребцов к необходимому финишу. Не в одном другом виде спорта не видел я столь активных болельщиков. Едва лодка уходит со старта, как следом за ней по берегу бросается лавина. По камням и валунам, через ручьи и обрывы, мчатся они за своими дуэтами, подбавляя их криками, давая на ходу советы, которых гребцы, конечно же, не могут слышать за шумом воды. Только у судьи болельчим на секунду задерживаются, чтобы взглянуть в бинокль финишу. Не писан ли штраф. И когда они, запыхавшись, останавливаются у финишных ворот, то видят, что нагрузка у них была не меньше, чем у гребцов. Горбунам, замочившим зрением, приходится, как сейчас выстуают на дорожках Бегуны (девушка, которая дима «клянулася», предложила, чтобы камин в эти искусственных реках были отбиты порогами).

Не случайно гребной слалом на специальных судах — байдарках и каное — включен в программу Олимпийских игр 1972 года. Он очень заманчив, этот слалом на воде, как алпинизм, как подвиг охот, как любой другой вид спорта, где конечной целью человека является победа стихией. Побывав на соревнованиях москвичей на речке Волгуе, на горном Черемше, посмотрев тренировки ларней из подмосковного города Истр, я точно знаю, что теперь, не смогу пропустить ни одного большого соревнования, где бы они и проводились.

ПОПЫТКУ ПРОЙТИ БЕЗ ШТРАФА

На XX летних Олимпийских играх будет разыграно четыре комплекта медалей по новому для нас виду спорта — водному слалому. Впервые спортсмены сражаются за звание чемпиона на байдарках-однорядках, а женщины, прова этой же лодки, выйдут в старт на каное — одночных и двоях.

В нашей стране до недавнего времени соревнования под названием «течения киньма» считались привилегией туристов. Они выступали на байдарках самых разных размеров, да и правила состязаний были упрощенными.

Теперь водный слалом получил все права в большом спорте.

Этот вид гребля требует от спортсменов как минимум более быстрого прохождения бурного быстрого потока с естественными препятствиями по маршру, обязательно подвешенным над водой воротами. Минимальная ширина ворот — 120 сантиметров, наибольшая — 350. Ворота представляют собой 2-метровые шесты, опирающиеся концами в красно-белый и зелено-белый цвета.

Участнику нужно выдержать в указанном направлении, не задев их. Зеленый шест всегда остается справа, а красно-белый — слева. Если участник задевает канутом ворот или шест, он получает 10 штрафных очков, коснувшись двух шестов — 20 очков. Штрафные очки прибавляются ко времени, показанному на дистанции, и по наименьшей сумме очков выигрывает победитель. Каждый участник имеет право на две попытки, засчитывается лучшая из них. В зависимости от подготовленности спортсменов соревнования на простейшей и сложнейшей трассах. На сложных трассах скорость воды достигает 16—12 метров в секунду. На 800-метровом участке реки Ворота были не более 30 ворот, в том числе не менее четырех ворот заднего хода (их проходил шестом) и восемь обратного хода («летяла»).

Спортсмену нужно выдержать поистине филигранную технику, чтобы пройти все препятствия без штрафных очков. Если лодка опирнется, он должен сделать так называемый «эксцентричный» поворот, вместе с лодкой стать в исходное положение и продолжать гонку. Почему лодку, он выбывает из соревнований.

На реках нашей страны можно найти трассы любой сложности. Опыт спортсмены из ГДР подсказывают, что начинать лучше всего с «тихой воды», а затем переходить на реках с сложными комбинациями и лишь потом постепенно переходить на сложные дистанции.

Первое выступление сборной команд СССР по гребному слалому на крупных международных соревнованиях в ГДР и мая этого года в Москве у нас молодцы успешно осваивают этот красивый, увлекательный вид спорта. В ближайшем году они должны оказать достойную конкуренцию лучшим сламантам мира.

Александр СЛЕСАЕВ,
старший тренер сборной СССР по гребному слалому,
заслуженный тренер РСФСР

Чемпион мира верен себе

Необычным по форме и весьма интересным был международный шахматный матч-турнир, проведенный в шахматном клубе «Спартак» в городе Лейпциге. Четверо именитых гроссмейстеров — американец Роберт М. Готтманн, «королева по-донкер» Эльза Казан, Л. Ларсен — сыграли друг с другом в четыре тура. Составляющие составов состояли без единого победителя, первенство в турнире завоевал чемпион мира Борис Спасский. И среди участников уже раз — ему удалось одержать верх над своим главным соперником Виталием Ларсеном. При этом конвопционного поучительного шахматного вождина.



Перед нами позиция, сложившаяся после 15-го хода

белых. В Спасский, игравший черными, маневром ферзя 15...Фе7 атаковал неприкрытого слона. Белым нужно было отойти слону 16...Сб5, а в дальнейшем ценою пешки с1 они могли бы достичь за инициативу на королевском фланге, как это нередко в шахматах бывает. Однако, свои возможности и без достаточных оснований отдали слова. Авантюра В. Спасского и быстро опровергнута.

Вот как это произошло: 16...Сб5 17.Фе7 18.Ф:б7 + Кр7 19. Фс1:Кр7 20.Фе7 17.Т1 21.Л:с2 22.Л:с1 23.Фс2:г5 24.Фб1 Сб5, и белые сидели.

Сила пешечного центра

Внимание любителей шахмат привлек и следующий ход 15...Фе7. Виталий Ларсен, чемпион мира, Манделино собрал весьма удачную позицию. Среди участников было три советских шахматиста: Гроссмейстеры Владимир и Е. Васиков добились отличного спортивного результата. Хорошо проявил себя партийный мастер Ю. Валпаоло. Вот в каком красивом комбинационном стиле Юрий Валтеров одержал победу над чемпионом мира. Виталием Александровым Мателевым. На диаграмме вы видите позицию, фигуры

которые воцарились после 9-го хода черных.



Игранный белыми Ю. Валпаоло смело попереворотил пешку и бинтул две пешки, лишь проигнорировав на рокировку и создал мощную пешечную группировку в центре.

10. С:7. Фр:р7 11. К:с5 12. фе Кр7 13. с5 Кс6 14. К:с4 Кр7 15. с6 Фр:17, Сб3 Лф.

Теперь пешечный центр приходит в движение, предельно стесняя фигуры черных. В это соображении предостережения для реанимированного центра.

16. К:с5 Л:г1 + 17. Ф:ф1 Кс8 20. ас2 21. Лс1 К:с4 22. Ф:б5 + с6.

В заключении москвичи терпеливо выжидают различные волюк ладью — ред. 10-летний чемпионский интел!

23. Л:с6 Кр8 24. Лс1 Кс8 25. Лс7 26. Фс8 26. Фс8 27. Л:г1 Черные сдались. В заключении москвичи терпеливо выжидают различные волюк ладью — ред. 10-летний чемпионский интел!

Воспитание чувств

Какие ассоциации вызывает слово «семья»? Это вопрос не в читателе, хотя каждый в зависимости от своего горького или отрадного опыта может построить цепочку ассоциаций. Этот вопрос бы предложен тогда группам «испытываемых» — юношам и девушкам и людям семейных — а также их сослуживцам не меньше года. Выяснилось, что каждая группа имеет свой взгляд на семью, свое семейную философию, настолько отличную друг от друга, что примерять, наложить их одну на другую можно только в одной сфере. Судите сами: «Дом, любовь, дети, заботы, домашнее хозяйство, приятная характер, общ. трудности, соеры». Нетрудно увидеть, что этот «реальный» портрет семьи написан людьми, познавшими ужас, что есть брак. Юноши и девушки видят семью куда идеальнее: любовь, совместный отдых, верность, ребенок. Немного из них (меньше половины) после некоторых раздумий вспоминали о домашнем хозяйстве. Испонимая как бы восторг, не жала осознать возможную картину прозаическим, грубым малком. Но что делать, если эта проза реально существует и еще ни одному мужу или жене, каких бы до сладостных зарюков обогреть, свою любовную лодку от бытовых рифов свои ни давали, не удалось избежать столкновения с ней.

Однако слово «проза» совралось здесь неосторожно, по привычке. Почему проза — готовить обед, зашивать своим маленьким чудик на забытых коленах? Есть проза — великие искусства своего дела, и торные тоже, и специалисты по интерьеру. Недавно отстойский журнал мод научил читательниц шпоре, которую вот придумать только художник. Решительно отбрасыва-

то современной эмансипированной женской личности оказались достоянием грядущих поколений: умения, обеспечивающего успех наладивший бы и порядок, во все времена почитались искусствами. И если мы не можем сегодня все диванные работы (хоть и хохотос бля) передать на машины, на фабрику бытового обслуживания, может быть, стоит отнестись к необходимости домашней работы без раздражения? Научиться делать ее быстро и умело? И — что важно — научиться до свадьбы, чтобы войти в семью подготовленным к роли жены и мужа?

Умение хозяйничать — только одна из сторон этой подготовки, и даже не самая важная. С нее мы начинаем потому, что она более всего на виду: большинство недоразумений у молодых людей, как известно, возникает из-за непринятия привычки.

Как готовить молодых людей к семейной жизни? Это вопрос, вызывающий еще бурные споры. Пока они ведутся, в Одессе, в педагогическом институте имени К. Д. Ушинского, четвертый год работает под руководством доцента В. Варского единственная в своем роде научно-исследовательская лаборатория нравственного воспитания, которая пытается ответить на интересующий молодежь вопрос.

Наш корреспондент Лина Таркова обратилась к В. Варскому Варскому с просьбой рассказать о работе лаборатории.

— ВОПРОС, НАДО ЛИ ВОООЩЕ ГОТОВИТЬ ЛЮДЕЙ К ТАКОМУ ЕСТЕСТВЕННОМУ СОБЫТИЮ — ВСТУПЛЕНИЮ В БРАК, — ДЛЯ ВАС НЕ СУЩЕСТВОВАЛ?

— В свое время, лет, может быть, двадцать тому назад, ученые отвечали на этот вопрос отрицательно. И, я думаю, на их совести немало человеческих драм. Любовь, семья в ее нынешнем виде — результат не просто естественного развития. Она продукт всей цивилизации. Соединение двух людей — безмерно глубокое, чрез-

вычайным в слове «подготовка». И уже говорю, что в свое время на тему личной жизни в науке лежало гораздо «табу», разговор о жизни интимной считался попросту «стыдным». Работали В. Н. Колбацковский, Э. Г. Бостанкина и другие. Но в последние годы об интимной жизни 172 человека (абсолютное большинство) пользовались информацией друзей, 12 — специальной литературы, трое прочли журналы, двое — сериалы. Мы проводили опросы, в результате которых — прорапори примерно одинаково. Надо ли говорить, что подобное «просветительство» было далеко не точным, а порой нечеловеческим?

Можно молчать даже нельзя. Плотина держива. Но, как это нередко бывает, giovani, ямущенный из бутылки, причиняет вышустившим его немало хлопот. Разговор о подготовке молодых людей к личной жизни обнаруживает явный кризис культуры интимной.

Мы продавали маленький эксперимент: предложили пятнадцати достаточно взрослым молодым и девушкам прочесть «Новую книгу о супружестве» Эдуарда Либурта и ответить на вопросы. Лишь трое из пятнадцати (хотя число испытуемых невелико, тенденция, думается, оптимистична) назвали авторов широко — рассказывать о многих аспектах семейной жизни. Остальные указали на книгу как на интимную, а порой робкий или лживый о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. В Швеции, например, эта тема «раскочерчена» так полно, так беспрестанно, что порой вызывает цензуру. Не мы унаследовали эту интимную «просветительскую» безынициативность, а потому, что такой настрой, поддерживаемый прессой, книгами, не может привести к нужному эффекту. В некоторых странах в школах врачи читают учебный курс лекций о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. В Швеции, например, эта тема «раскочерчена» так полно, так беспрестанно, что порой вызывает цензуру. Не мы унаследовали эту интимную «просветительскую» безынициативность, а потому, что такой настрой, поддерживаемый прессой, книгами, не может привести к нужному эффекту.

Подготовка к семейной жизни — по нашему разумению, включает в себя воспитание и общей культуры в человеке и умения заботиться о здоровье друг друга, организовать свободное время, сдвигивать семейный быт в удобное для домохозяйства, правду хорошего тона, искусство остаться привлекательными друг для друга, юридическое минимальное образование — все необходимо будущим супругам. У юридического просвещения тоже есть противник. «Брак», — недоумевает один, — нашим прекрасным юношам и девушкам значит, например, о правилах усыновления, выясняя алиментов, о наказаниях за посягательство на женскую честь, о правах и обязанностях супругов, о кодексе преемственности, однако это еще ни одного из них не оставило на пути людей».

И я не спешаю и не могу наверняка утверждать, что «обстоятельное» образование по линии юридического просвещения. Мы провели много встреч со школьниками, раскрывая им смысл семейной права. Некоторые учителя, прогнавшись нашими идеями, на уроках включили в программу обязательное изучение по инклекционной работе использовала всякую возможность юридического просвещения. Мы обнаруживали у ребят большой интерес, всякий раз они засылали лекторов или взрослых вопросов. Вооружая молодых людей знанием семейного права, мы ставляем их осматривать подходит ли многим вопросам, о которых они, по собственному признанию, раньше не задумывались, что все само собой образуется.

— С КАКОГО ВОЗРАСТА, ПО-ВАШЕМУ, НЕОБХОДИМО ГОТОВИТЬ РЕВЕНТ К СЕМЬЕ?

— Очень сложный вопрос, на который еще нет ответа. Но я полагаю, что приступить к этому следует не позже, чем в детсадовском возрасте. В своем деле, изучать мальчика бережно относиться к девочке, как существу более хрупкому, не стыдиться помогать ей — когда же еще начинать? Многие мальчики не хотят,

а иные стесняются уступить девочке стод, тогда надо. Это недостаток культуры, проба воспитания. В школе, руководимой членом-корреспондентом АИПН СССР Сухолинским, ребята выращивают в теплицах цветы, чтобы подарить девочкам 8 Марта. Но сколько таких школ?

Идея равноправия женщинам у нас вообще принимает порой противные приращения формы. Мальчишки не могут даже поступить в школу — они же равны! Девушки, желая походить на мужчин, курят, позволяют себе пить: париям можно, а нам нельзя? Это уходит корнями в бесполое, ханжеское семейное и школьное воспитание. Мы не хотим, чтобы наши студенты 280 определяли равенство между мужской и женской как одинаковое. Между тем синовий равенства — равенственность. Хотя женщины по-прежнему остаются в большинстве своем пассивной, привлекательной, тоньше различает цвета и краски. Зато скорее, например, поддается внушению.

Да, пожалуй, все следует начинать в младшем школьном возрасте. Вот итравте в куту-малу дети. Подойдите к ним, молодые родители, и скажите, что с девочкой в куту-малу играть нельзя: она слабая, она девочка.

— КАК ПРАКТИЧЕСКИ БАННИМАЕТСЯ ВАША ЛАБОРАТОРИЯ ПРАВСТВЕННОМУ ВОСПИТАНИЮ?

— Мы лаборатория научно-исследовательская. Стало быть, с помощью анкетных обследований, бесед, интервью, изучения массы юридических и медицинских документов собираем материал. Он перерабатывается потом в статьи, рекомендации, подготовленные мы и для родителей. Для студентов нашего института я читал факультативный спецкурс, условно названный «Семейноедение». Мы постоянно выступаем в школах — перед учителями, родителями, учащимися. В апреле, например, в институте имени К. Д. Ушинского, нашли там горячих сторонников и помощников. Клуб пока — это лекция и 200 активных слушателей. Лекция мы читаем по всем темам, о которых я уже говорил.

Открыт клуб, мы почувствовали в ребятах такую потребность в знания семейных проблем, что неизбежно пришли к идее чужого городского университета молодой семьи. Он уже открыт при объединении отделении общества «Взгляд».

Пока единственные формы работы, найденные нами, — лекция и вечера вопросов и ответов. Мы мечтаем создать при лаборатории кабинет семьи — для консультаций, разговоров, в частности, на обширную аудиторию. В штате его будет юрист, врач, психолог, сексолог. Будут у нас и диспуты и встречи с людьми, чей жизненный опыт может быть полезен всем молодым людям.

Пожалуй, только начал действовать активно, обидясь с «объектами» нашего воспитания, появились мы, какие это гадья, क्या востериваемся в своем, а также в чужом воспитании. В чужом воспитании есть для всех — для ученых, писателей, юристов. И обязательно комсомольских работников. И убежден, что в любой небольшой комсомольской организации идея клуба молодой семьи коснется в воздухе. Не трудно ввиду организовать эти клубы — пусть они возникнут там, где действительно необходимы. Но, по моему скромному разумению, наметки общественной работы должны возникнуть в клубы людей самого того 67% вступающих в брак все-таки людей самого того, кто не есть комсомольского возраста. Однако, насколько мне известно, если посмотрит комсомольские планы, этого никак не видно. Это не только не летит, но и не летит в чистоту в целях — только не о том, что может поспать под определение нравственного воспитания. Невозможно поверить, что оставшейся планом чужой любви, семья не возмужает.

Нельзя отрицать возможность познания с молодыми читателями вашего журнала, с комсомольскими активистами, хочу сказать, что очень надеюсь на их помощь. Пришло время объединять все знания, опыт и умения с личным счастьем молодых людей для того, чтобы ковать это счастье доступными каждому средствами. В наша лаборатория готова помочь скромным опытом, которым мы располагаем.

тое сложностями события. Двое могут оказываться несчастными именно из-за несовершенство-ности. Относятся к школьникам, подросткам как к существам, якобы бесслым в настоящем и безбрежным в будущем, или осуждают их по своему вкусу. Эта точка зрения отнюдь не нова. На необходимости готовить молодых людей к семейной жизни настаивала Ленин, Крупская, Келлини, Луначарский, Макаренко.

— ВЫ ЗАГОВОРИЛИ О ПРАМЕ, КАКОВА ЯВЛЯЕТСЯ РАЯЛД В СЕМЬЕ. СУЩЕСТВУЕТ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ЧТО ВСЕ ВЕДЫ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ ОТТОГО, ЧТО ОНИ СИЛШИКО МОЛОДЫ. ЦИТА РАЗВОДОВ В МОЛОДЫХ СЕМЬЯХ ВШУПШЛИТЫНЫ.

Известный демограф Е. Урлицкий познакомил нас с такими цифрами. 67% вступающих в брак (данные на 1960 г.) — это юноши и девушки не старше 25 лет. Да, семья очень молодых, моложе, чем во времена наших бабушек и даже матерей. Идет естественный процесс и ставит перед нами задачу. Эта точка зрения является бы противоречивой самой жизни. Это отнюдь не помогло бы преодолеть инфантилизм юношей и девушек, а лишь искусственно оттянуло вступление их в самостоятельную жизнь. Это не только не помогает браку, но может оказаться равным и для тридцатилетних.

— ЕСЛИ ОНИ НЕ ГОТОВЫ К НЕМУ?

— Конечно. Я хотел бы только поинтересоваться, какое содержание мы — сотрудники лаборатории —



Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

ДЖИНИ ИЗ ЛАЗУРИ

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ
Фантастический роман

— Да,— сказал маленький Кларк,— мой колдун может суметь все, что я захочу.

Г.-Х. Андерсен.
«Сказки».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СЕЛЕСТЫ

24 СМЕНА

Бум вокруг Смайли

Это открытие на Бермудах было не слишком громким. «Сенсации не ждите долго. Их надо замораживать или подогревать»,— сказал Генри Менкер, один из американских газетных философов, в начале тридцатых годов. Будущее его не опровергло. Ко времени прибытия в Гамильтон научной комиссии ЮНЕСКО о Невидимке с поэтическим именем Селесты писали не больше, чем о летающих тарелках или о снежном человеке.

ми подпольной американской мафии, зарабатывавшей миллионы на контрабандном ввозе спиртного в Мексику. Это случилось в последние годы экспресса в тридцатых годах было делом его рук, что его имя не раз и не два упоминалось в полицейских архивах Америки. Но о бурной молодости Треси предпочитал не вспоминать. Его имя фигурировало не в полицейских досках, а в сборниках «Кто есть кто», перечислявших все самых известных, богатых и respeitваемых людей страны.

— Погляди в чужбинном аэропорту, скрытый за пальмами аэровокзал. Живо нажал кнопку звонка, и тотчас же над ней вспыхнул ладок телекамеры. Джино быстро прикрыл его ладонью и услышал на динамика голос охранника:

— Является ли лауреатом Джино. Лучше поспешите. Шеф ждет.

— Как его настроение? — обеспокоился Джино.

— Спокоен.

— Кто у него?

— Кордона.

— «Плохо», — несвоело усмехнулся Джино. Он терпеть не мог этого специалиста по наркотикам, псевдоуниверсала и любознательного шефа. А специалист шефа тревожило.

Но все обошлось благополучно.

— Ладно, — сказал шеф примирительно.

— Как я понимаю, Смайл спит?

— Да, — подтвердил Джино.

— Гроа, кажется, проходила.

— Плакать не будем, — отрезал Треси. — Пока Смайл в порядке, ваш разговор с ним никто не встревожит. Вы усидите охрану на острове, поставьте еще двух часовых. А у вас есть какие-нибудь комбинации с шахком. В шахматы играешь?

— Нет, а что? — Джино выпучил глаза: о чем шеф думает, зачем его спрашивает?

— Многие ты не умеешь, Джино. А ведь можно размять знавший взгляд в духе Ласкера.

Джино по-прежнему елодит растерянно и мучно, не успевая следить за игрой мысли шефа.

Вспомнил Треси повеления начальника.

А Треси рано подошел к стеллажам с книгами, нажал скрытую кнопку. Част стеллажей несмешно поползла в сторону, обнаружив нишу, в которой висела большая карта Калифорнии на шестидесятилетнем Треси повелел открыть дверь, и карта ожила: поблескивая светящимися амбейками торчала, зажглись и замаятели огоньки городов, выросли и грозно нависли над дорогами темные устья гор.

— Принеми, что мы знаем, — начал Треси, взяв указку и ткнув ею в желтый глазок на берегу Тихого океана. — В порт Фриско прибывает военный корабль. Когда? Ориентируйся в конце концов на карту. На Рио-Гранде? Или на Фриско, как, предназначенное Национальному банку в Сакраменто. Стоимость груза? Тоже ориентировочно, до десяти до пятнадцати миллионов долларов. Ясно?

— Принятая сумма, — сказал Джино.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Треси, — потому и я хочу, чтобы она стала нашей.

— Ты не шутит? — тихо спросил Кордона.

Шеф ответил: «Сметает его глава, холодеет и стальные. У Джино хватало духа. Десять или пятнадцать миллионов долларов! Вы! Запросто смачнуть, как пачку сигарет с прилавка табачничка. А этого количества денег у шефа, не дай Джино боготворить. Шеф никогда не был на началь без уверенности в выигрыше и ни разу на памяти Джино не ошибся. Кажется, на них действительно мог лхнуться золотой дождь. Джино ужаснулся от павшего с неба ливня холодных желтых слитков, которые будут потом расплавлены, расплавлены и переброшены на рынки Инди и Гонконга, где за kilo золота платят в полтора раза дороже, чем в Америке или в Европе. Джино расслышал только название страны, в которой Джино и, довольный произведенным эффектом, весело подмигнул Кордоне. Тот усмехнулся, а в его черных глазах-маслинах уже прыгали маленькие обиды бравады золотого слитка.

— Хорошая идея, шеф, — почитливо подтвердил он, — а как к ней отнесется правление Национального банка?

— Я не поставил его в известность. Впрочем, мы никак от него не зависим. Мы работаем на информации. Например, о дне прибытия судна.

— Вызд ли кто-нибудь знает об этом.

— Кто-то знает, — отпрыснул Треси, — а я еще ни.

— Уравнение со многими неизвестными, — задумался вслух Кордона. — Это — день прибытия корабля. Игрек — транспортная. Зет...

— Тебе не хватят и половиной алфавита...

Треси снова подошел к карте и провёл указкой по извилистой линии, соединяющей Сан-Франциско с островом Гаита. — От Фриско до Сакраменто около двухсот миль. Золото повезут в автофургоне. Загружать их начнут сразу же по прибытии военного корабля. Полиция знает — не подступайся. Ясно, что здесь золотом надо везть. А где? — указка Треси уперлась в груз Джино.

Тот недоуменно пожал плечами.

— Не знаю.

— Ты — поморщился шеф. — А ты?

— Кордона нетерпеливо подошел к карте и ткнул указкой в светящуюся ленту дороги.

— На восемьдесят четвертой миле шоссе сужается. В горло мне может пройти только один автофургон. Мы превратим дорогу в перегрузочную золоту. Легко и просто.

— Просто, но нелегко, — скавал Треси. — Идеи верны, но разработка примитивна. Ты забыл о конвоите?

— Почему забыл? Не забыл. Но сколько их будет: десять, двадцать. Не сотня же.

— Точно знает только начальник полиции.

— А разве Джино Игрек-Три не может поспешить к началу полиции?

— А это просто: откудова почтенному Джиноу Игрек-Три известно о золоте на Браулли? После этого можно ставить на операции крест: я не могу рисковать своей репутацией.

— Численною конвой можно предугадать, — не сдавался Кордона.

— А его оснащение? Оружие? Транспорт?

А сколько человек мы сможем занять в операции?

— Джинона у меня есть.

— А если в конвое будут две дюжины?

— На нашей стороне неоснованность.

— Это кто даст? Ты же сам скавал, что дорога сужается. Значит, мотоциклы будут в конвое. Неоснованно ты уберешь четверть, а остальные двадцать прикончат тебя и твоих парней. Нет, так работать нельзя. Мы можем придумать что-нибудь, но все оно должно лежать в дорожке, если иначе — сила и сила противника. Конечно, тактику можно продумать и сейчас. Например, так: пережечь дорогу и движение по ней ремонтными работами.

— Зачем? Золоте детальный маневр. Я же ничего не знаю о конвое, поэтому провозу по поверхности обработки участка шоссе от девятости второй до девятости четвертой мили.

— Какое? Дорожное покрытие действительно требует ремонта: за последний месяц там сожралось шесть или семь машин. Я уже видел подъяр в журициальной дороге.

— Значит, с одной стороны увидятел не будет, — задумчиво скавал Кордона.

— С другой — тоже. Полиция задержит попутно движение минут на сорок, чтобы колонна шла в одиночестве. Сорок минут — это шестьдесят миль. Вызд ли кто сможет догнать фуры.

— Вероятно, большинство конвойных пойдет вперед колонны, предположил Джино.

— Вероятно, — согласился шеф. — Скорее всего, Собржаженье, мальчик. На это я и рассчитываю. Тяжелый грузовик, вископичный металл поворота, собьет в провалы по крайней мере четверть конвойной колонны. Шофер разглядит комедию: отворачив, стравит слезу уступить дорогу. Есть такой?

— Найдется, — скавал Джино, — бывший актер.

— Тем лучше. Удешительный сыграет.

— Пожертвует?

— Зачем? Во время перестрелки, когда помянется ларин Кордона, пусть прачется подмянется. А потом его заберет с собой. Чего и забудь и бегит на самолет куда-нибудь в Инди.

— Как будет разворачиваться операция после этой истории с грузовиком? — амехался Кордона.

— Примерно так. — Игрек-Три взял лист бумаги, но тут же его отбросил. — Не будем оставлять документов. Давайте на словах. Полицейские потребуют, чтобы шофер уводил грузовик с дороги. Но разве он сможет? Он почтив невинно, а выйдя из машины, он будет вынужден притвориться убраться с дороги мажором. Конечно, это потребует времени: надо будет слезть с мотоцикла, вырваться, потрудиться. Начнется, естественно, суматоха. Золотый конвой мажорам, думаю, заинтересуются и сопровождающие груз бравоиские сажающие и водители автофургонов. Любопытство, друзья, безотказная черта. Она лишает человека бдительности.

Треси положил указку, выключил карту. Мас-

шинный стеллаж бесшумно вернулся на место, и стропы рамы славойри, сплывочников и журидов скрыли разноцветные окна пластмассовой Калифорнии. Треси достал из бара бутылку «скотча» и три пазухи стакана с кубиками льда на дне.

— Вызд ли за нашего главного консуланта, — скавал он.

Его собеседник удивленно переглянулся. За кого? — За Селесту.

При чем здесь Селеста, никто так и не понял, но прямо спросить не рисковал. Впрочем, шеф поинясал сам:

— Без Селесты не обойтись. Наш план страдает от недостатков, их абстрактно. Для того, чтобы он стал реальным, необходимо знать, — он принался забить пальцы, — день прибытия судна с золотом — раз, час разгрузки — два, время начала движения колонны — три, состав конвой — четыре, вооружение — пять, численность фургонов — шесть, непредвиденные обстоятельства, наконец, — семь. Где мы можем получить самые точные сведения? У Селесты.

— А почему вы так уверены, что Селеста знает?

— Селеста запоминает стабильную информацию, записанную, закодированную, документированную. Все, что нам нужно, отражено в документах, возвращение — лишь чисто формальность. Соответственно этому мы и предлагаем Селесте всего семь вопросов.

— Через комитет Мак-Керри? — усмехнулся Кордона.

— Не отри. Мы сделаем это при личном свидании.

Джино смистнул.

— Значит, захват острова?

— Тебе это известно?

— Но остров охраняется, и охрана сейчас будет усилена.

— Не думаю, — опять амехался Кордона. — У них нет людей.

— Откуда ты знаешь?

— Я только что вернулся из Гамильтона.

«Треси даром времени не терпит. — отменил порт себя Джино. — Я в Нью-Йорке, Кордона на Вермуде, а кто-нибудь уже гонит сейчас с кинокамерой по Нью-Йорку по шакамам. Нет, пожалуй, и на этот раз у тебя ошибок не будет.»

— Это подтвердит и рассказ Кордона. Гамильтон до отъезда был занят и Ньювалом в образе невольности. Полиция не справляется с карманниками и шулерами. Все катера, яхты и каботажные суда не могут выйти в море без разрешения властей, а для охраны порта нанимаются добровольцы.

— Сколько людей на острове? — спросил Треси.

— Немного. Попаст туда могут только с яхтой. Там бухточка и вырубленная в образе пещеры на берег. С других сторон остров недоступен: или отвесный подъем, или скалы, неподступно за которым подводные рифы. Лодку выдремит расшибет. Потому охраняется только бухта: чтобы никто не проникнул и два пазухи. А в барак на острове — радист и дежурный славойри для переговоров с Селестой.

— Координаты острова?

— Записаны. — Кордона бросил на стол азимутный указку. — Кружим путь от Норфолка день доху.

— Сколько человек пойдут на яхту?

— Хватит десяти в Джино. — Кордона подмигнул себе лист бумаги и шаровал в образе невольной кордон. — Это остров. Яхта бросит якорь в трех километрах к северу. Первым к острову пойдет аквалангист. Они снимут охрану и проинформируют на яхту. После этого обезвредят Селесту и подготовят дежурного для связи с островом.

— Как подготвят?

— Кордона криво усмехнулся.

— Есть препараты, парализующие волевые центры. Один укол и человек превращается в робота.

— Ну нет, — Треси раздумчиво остановил собеседника. — Я не позволю рисковать операцией. Селеста может не войти в контакт с обозначенным человеком. Есть ведь и другой препарат, универсальный.

— Что вы имеете в виду, шеф?

— Деню. Во все времена оубеждались лучше утром, чем вечером. Золотой конвой мажорам, который отказался бы от хорошего заработка. Только считай правильно: одному достаточно десяти долларов, другому не хватят и десяти тысяч. Центр мы определили на месте. Я сам займусь яхтой.

— Нет, шеф, — не согласился Кордона. — Вам небезопасно появляться на острове.

— Кто меня узнает? — самоуверенно отмахнулся Треси. — Полцейские? Радишь? Но их не воспримет даже Селесте. Дождурный? Он промолчит, естественно: кулевики не проговариваются. Правда, еще остается свидетель, самый для нас опасный. Но его не вызовешь в суд, и ни один прокурор не возбудит дело на основании показаний свидетеля-невидимки.

— А международный скандал, шеф?

— И для него есть глушители.

Но Кордона и Джинно все еще сомневались. — Можно взглянуть рот галатеям. Сговорится с телевизионными компаниями. Ублаготворить попов. А запросы в конгрессе? Вас это не путает?

Но Джинно Иггер-Райт уже подчитал все прибыли и убытки.

— Не будем заглядывать так далеко, — сказал он. — Сейчас я еще не вижу просчетов в этойке гротмейстера Иггер-Райта. По-моему, он безупречен. Черныя начинают и вышурывают.

А почему черныя? — не понял Кордона.

Треси подыкал.

— Я не претендую на белый цвет добродетели, — резюмировал он.

Черные начинают...

Подготовка операции, по мнению Джинно, могла быть закончена в несколько дней, но Треси спустился на нее три недели. Во-первых, он не любил спешки и добивался от помощников скрупулезной отработки мельчайших деталей, а во-вторых, и спешить было незачем. По сведениям, полученным от «своего» человека в столице штата, прибытие золота ожидалось не раньше чем через месяц. Превременный захват острова ничего бы не дал: глупо задавать Селесте вопросы, на которые еще нет ответов. Такис подобрал, как час разгрузки для состав ковкой, выяснилося всего за два-три дня до прибытия судна.

Видимо, шеф всецело доверял своему агенту в Сакраменто. Поэтому в конце трехнедельной подготовки Джинно ничуть не удивился, когда ему позвонил Кордона:

— Через два часа вылетаем в Норфолк. Встаем у меня.

К вечеру они уже были на ахте Треси, а с наступлением темноты на борту появились и шеф. Он коротко поздоровался с командой, еще раз проинструктировал акваналитов, лично провизировал старшие: акваналиты, широкие, обомоленные кинжалы в тюрках пластмассовых локтей, короткоствольные автоматы типа «стен», не боющиеся воды, бортовые крупнокалиберные пулеметы, установленные на случай нежелательной встречи с таможенными катером.

— До острова три километра, — доложил штурман. — Пора глушить двигатели.

Треси всмотрелся в черную тушь ночи: где-то далеко, почти у самого горизонта, родился расплывчатый светлый луч.

— Проектор на острове, — сказал подошедший Кордона.

— Шлюпку на воду! — приказал Треси.

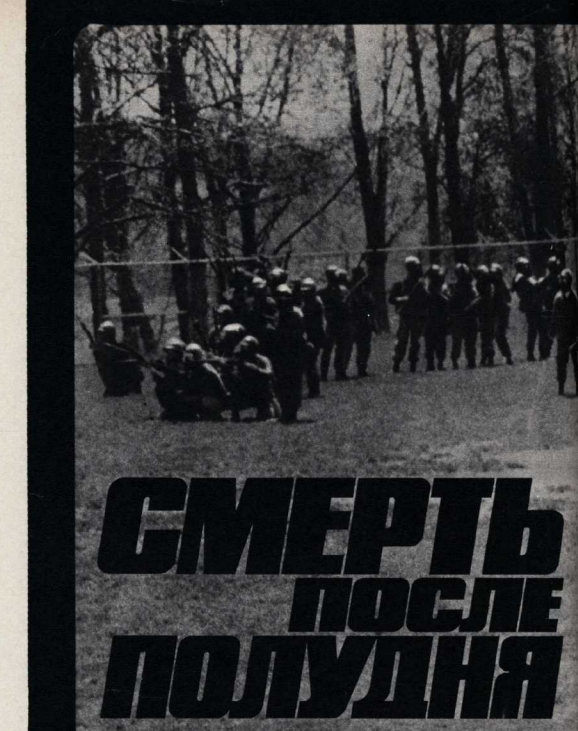
Пятеро акваналитов во главе с Кордоной спустились в шлюпку. Через несколько минут Кордона, оглянувшись назад, уже еле-еле различил силуэт судна, настолько густой была окружающая ночная темь.

— Судно везет! — командовал Кордона. — Десант в воду!

Он подождал, пока последний акваналит покинул шлюпку, разаминист перевернулся и нырнул в холодную черную воду, плавно оплывшую тело. Внезапно выскочил из воды озвученный фонариком на груди у десантников.

Он подождал, пока прожектор погас, и вынырнул на поверхность. В сотне метров от него белел коралловый островок, украшенный вырезанным лотом — бутылкой. Мозгом было уже начинать штурм. Кордона снова нырнул и через две-три минуты очутился в бухте. Задыхаясь совсем спокойно, держа воду для дыхания в охулашке в самой воде без необходимости проговаривать, что Кордона поспешил погасить фонарь на груди: не заметил бы часовый!

Но часовые не видели света из-под воды. Не видели они и того, как шесть черных темей зером раскинулись по периметру бухты. Часовых было только двое. Больше Корхилла не выдвинул. Да еще двое ожидали своей вахты, похрапывая в деревянной пристройке к перегородкой.



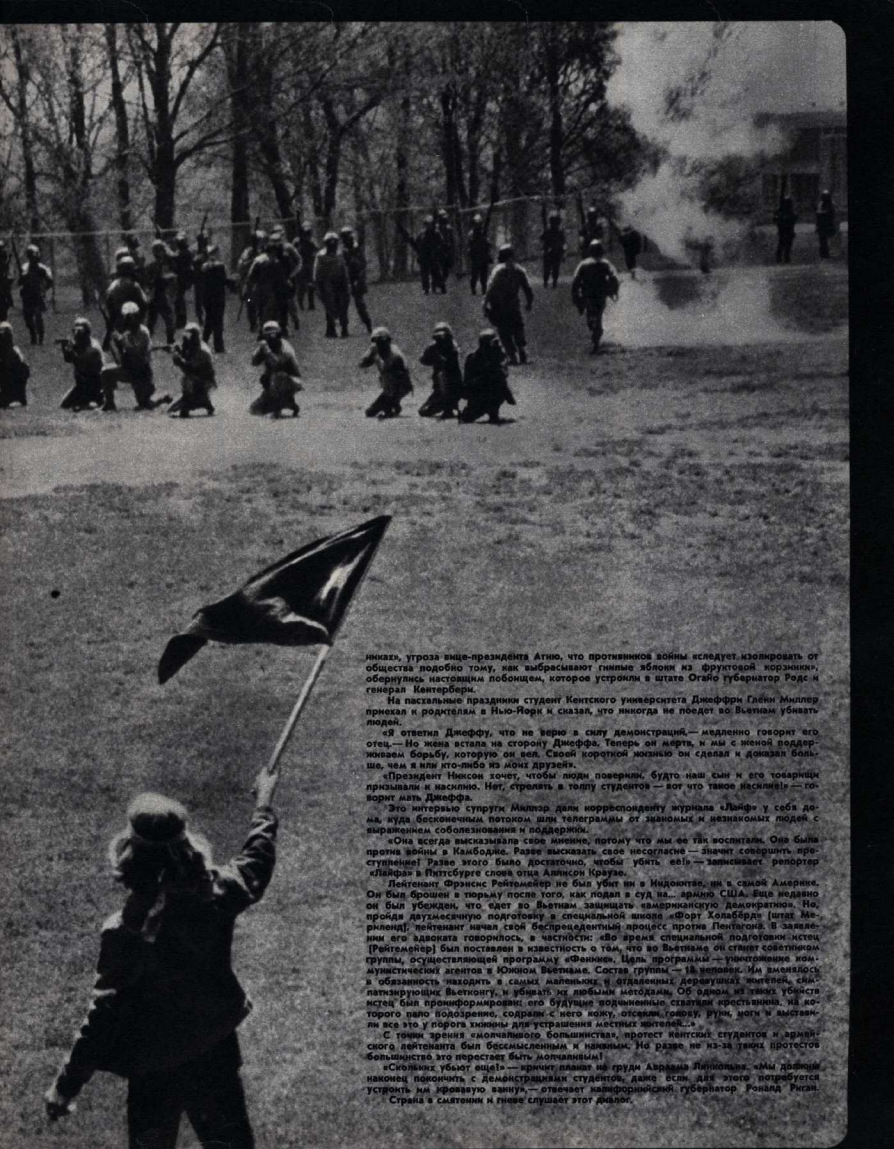
ВНЕШЕРТНО ПОСЛЕ УБИЙСТВА

Видеопленки — и записки, будучи убиты, чаш и два других студента Итана. Убийца по пути в Академию целенаправленно удалялись в эту сторону — национализированной территории.

Этот халкигавский заговор обогнал американскую прессу через несколько часов после того, как на территории Итанского университета в штате Огайо (это национальная территория, прилегающая к колледжу, дана заповеднику студенческим демонстрациям. Через два распространялись на земной шаре) произошли события. Наступил октябрь 20-летия Демонстри Гланс Миллер, 18 летним — Уильям Шервер, 28 летним — Сидра Ли Шейер, 19-летней — Аллисон Краузе. Выпрыгнув из здания школы Кенту, оставили заговорить все Америка. Малюно всю, поскольку дана самодельное большинство Никсона, которым контролирует официальная пропаганда США, почувствовали себя неспокойно. У «благонамеренных» заговорщиков возникли самозастраховки: пока люди убивали где-то там, в далеких азиатских странах, имбир было отключаться сменяемельем, с головок утки и утки, комфорт-Бельгия, академический бог. Но когда в Терроризм дугу пошел, демонстрация гурда дини убивает митреть колонию погоня в Кенте (штат Огайо), шестьеры — в Огайо (Демонстри) дуга — в Делавэре (Амиссис) и одною — в Саванне (Демонстри) дана «благонамеренных» не разнятся университет, если инвентарю студенту который злоб-вильно не «арестован» Личингтон и утерли, но два геттобойки плавать: «Солонья убийца» делант.

Кроме академических протестовших против американской агрессии в Юго-Восточной Азии, возникла страница и инновационными доказательствами того, что жестокость, бесчеловечность индустриализма США отидет не слугующих наименьшим количеством тех, кого он стравит, в власти. Слова президента Никсона о студентах — бездаль-

Продолжение следует.



никаз, угроза вице-президента Агню, что противники войны вследуют изобретать от общества подобно тому, как выбрасывают гнилые яблоки из фруктовой корзины, обернувшись настоящим лобовцем, которое устроили в штате Огайо губернатор Родс и генерал Кентерберри.

На пасхальные праздники студент Кентского университета Джеффри Гленн Миллер приехал к родителям в Нью-Йорк и сказал, что никогда не поедет во Вьетнам убивать людей.

«Я ответил Диефу, что не верю в силу демонстраций,— медленно говорит его отец.— Но жена встала на сторону Диефа. Теперь он мертв, и мы с женой поддерживаем борьбу, которую он вел. Своей короткой жизнью он сделал и доказал больше, чем я или кто-либо из моих друзей».

«Президент Никсон хочет, чтобы люди поверили, будто наш сын и его товарищи призывали и насилью. Нет, страдать в толпу студентов — вот что такое насилье!» — говорит мать Диефа.

Это интервью супруги Миллер дали корреспонденту журнала «Лайф» у себя дома, куда бескомпромиссно потянул диктаторами от знакомых и незнакомых людей с выражением соболезнования и поддержки.

«Она всегда высказывала свое мнение, потому что мы ее так воспитали. Она была против войны в Камбодже. Разве высказывать свое несогласие — значит совершить преступление? Разве этого было достаточно, чтобы убить ель?» — замечает репортер «Лайфа» в Питтсбурге слова отца Амансон Краузе.

Лейтенант Фрэнсис Райтмайер не был убит ни в Индонезии, ни в самой Америке. Он был брошен в тюрьму после того, как подал в суд на... армию США. Еще недавно он был убежден, что едет во Вьетнам защищать американского десантника. Но пройдя двухмесячную подготовку в специальной школе «Форт Холлбард» (штат Мериленд), лейтенант начал свой беспрецедентный процесс против Пентагона. В заявлении его адвоката говорилось, в частности: «Во время специальной подготовки истец [Райтмайер] был поставлен в известность о том, что во Вьетнаме он станет советником группы, осуществляющей программу «Фрэнк». Цель программы — уничтожения коммунистической агентуры в Южном Вьетнаме. Состав группы — 18 человек. Им возлагалась «обязанность находить в самых маленьких и отдаленных деревушках именов, сингаптурных Вьетнаме, и убивать их любыми методами. Ос одним из таких убийств истец был проинформирован, его будущим товарищем, солдатом кресты вина, на которого было подписание, содрал с него кожу, отсек ему голову, руки, ноги и выставил все это у порога хижины для устрашения местных жителей...»

С точки зрения «молчаливого большинства», протест кентских студентов и армейского лейтенанта был бессмысленным и наивным. Но разве не из-за таких протестов большинство это перестает быть молчаливым?

«Сколько их убьют еще!» — кричит пламя на груди Аарона Линкольна. «Мы должны наконец покончить с демонстрациями студентов, даже если для этого потребуются устроить им кровавую ванну», — отвечает калифорнийский губернатор Роналд Рейган.

Страда и святенный и гнев слышит этот диалог.



АВГУСТОВСКОЕ ОБЗОРЕНИЕ

1. «ВОЙНА И МИР»
МИЛЕНА
2. ГАВАНА ХЕМИНГУЭ
3. ШАНСЫ — ТРИ
К ОДНОМУ
4. КЛОУН
СО СКАЛПЛЕМ
5. ЦИВИЛИЗАЦИЯ
НЕ ПО ЗУБАМ!
6. ШПИОН
В ЛАБОРАТОРИИ
7. СТОАРДЕССА
40 ЛЕТ НАЗАД
8. ПОЛЕТ
В СОЛЯНОМ ДВОРЦЕ
9. ПАРАШЮТИСТ НА
ВОЗДУШНОМ ШАРЕ
10. ШУТКИ
КОМПЬЮТЕРА
11. ПОКУПАТЕЛЬ ПО
ИМЕНИ ДЖУМБО
12. НАЦИСТСКИЙ БИВАК

Материалы перепечатываются с
согласиями или в издательстве

1.

В апрельские дни этого года были подведены итоги международного конкурса детского и юношеского рисунка. Конкурс «Дружба» был посвящен столетию со дня рождения В. И. Ленина и организован созданным обществом друзей социалистических стран и редакцией журнала «Свет социализма» (Чехословакия). Выставка работ победителей в течение этого года путешествует по различным городам страны. Маршрут ее таков: Киев — София — Будапешт — Братислава — Краков — Лейпциг — Прага — Москва.

На с ним же: одна из работ 16-летней пражки Милены Веселы. За свой цикл рисунков «Война и мир» Милена получила первую премию.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

2.

Если пройти по улице Обенцо в Старой Гаване, то под обветшалым навесом у входа в отель «Амбос Мундос» можно увидеть доску с надписью: «Здесь жил Эрнест Хемингуэй». А можно зайти в бар «Флоридата», сесть в его клубном уголке и заказать коктейль, который так и называется — «Пала» (голубая лед, лимон, ром и несладко капель лаймер). Можно, наконец, сесть на автобус № 141 и поспричь шофера, чтобы он предупредил, когда будет «Ла-Вихия». Впрочем, тут любой знает эту остановку. Указав людям с ней сообщает, что музей Хемингуэя — в двух километрах.

В прошлом веке на этом месте находился испанский укрепленный пункт, доминировавший над большей частью Гаваны. Хемингуэй арендовал виллу в 1920 году, а окончательно переехал после опубликования романа «По моему мнению», оставив за ней примененное название — «Ла-Вихия» (по-испански — «сторожевая вышка»). Библиотечка писателя насчитывала более шести тысяч книг на разных языках — ведь он сам говорил на семи, включая

испанский. В свое время эта вилла была величайшей местной для работы. Но впоследствии ее начали осаждают террористы, спортсмены, актеры или шли туда, словно в какой-то зверинец. Тогда-то и появилось обывательное «Тройка» воспринят. Вход только по предварительной договоренности.

«Гавана, 4 ноября (Пренса Латина). Яй очень счастлива, что снова нахожусь здесь, потому что считаю себя кубинцем», — заявила американский писатель Эрнест Хемингуэй, прибывший сюда вечером в Гавану из Нью-Йорка. — Я не верю ни одному из сообщений, которые публикуются за границей и направляют против Кубы. Я симпатизирую Кубинской революции и с пониманием отношусь ко всем нашим трудностям. Считаю, что подчеркнуло слово «нашам». А затем добавила: — Я не хочу, чтобы меня считали янки».

Приехал в Сан-Франсиско-де-Паула, Хемингуэй поцеловал кубинских друзей и был принят в семью жителей города. Когда закончились фотографии попросил его повторить, старый писатель отказался это сделать, сказав, что это был искренний миг, а не поза.

«КУБА»

3.

Изменил так — 3:1 — расширил свои знания багалоучно-зачинить лапару профессиональных автогонщиков на Занаде. Это соотношение показывает, сколь часто больше мессею живыми и смертн сыновья в пользу последней. До сих пор самой кровавой страшицей в истории автогонки является катастрофа, которая произошла в 1965 году на известном соревновании «24 часа в Ле-Ман», когда машина французца Пьера Левета на скорости 280 км/час врезалась в переполненные трибуны, ворвалась и вместе с толпой унесла еще 84 человеческие жизни. Но даже это массовое убийство не заставило организаторов оставить гоночку. «Самым милое поставлено здесь на карту. Фирмы «Гуар» и «Феррари» не могут пойти на миллионные убытки», — сказал тогда один из шефов «24 часа в Ле-Ман», Шарль Вару.

Некоторые известные автогонщики позволяют себе браваду в гласных интервью, но тем темнее им бывает рядом со смертью, они острее чувствуют жизнь и философовал во время гонки «Тысяча миль в Брешии» испанец де Португа. Вскоре он попал под обстрелы своего «Феррари», а с ним еще 11 зрителей. Западный немец фон Трикс, удравший о дереве в Монце, увидел: «Я не испытываю никакого страха». Через несколько лет на той же трассе он разбился сам и убивает еще 14 человек.

Откровенно говоря высказывания владельцев крупнейших фирм на этот счет. «Лучшая машина выдерживает открытую гоночку и на финише разваливается на куски» (Бернандо Поцци). «Я строю моторы и ставлю их на четыре колеса» (Уго Феррари). Эти люди уверены, что их пылким энтузиастам («инженеры в автомобильном строительстве») это обман. Ничего ведь не испытывает прочность посуды под механическими процессом. Делать, прибавь — вот движущая сила смертельных гонок.

«НОНЕС ЛЕВЕН», ГДР

расовой сегрегации, царшей в его стране — ЮАР. Пересадил сердце онубеголоу донора Клайда Хаупта белому человеку Филлиу Блайтбергу, Барнарда отнюдь не только на словах бросил вызов южноафриканскому апартеиду.

Сегодня имя кейптаунского хирурга вновь в заголовках газет, впрочем, уже по иному поводу. Врач-первооткрыватель — «глаз-бой», снимающийся в кинофильме — политикан, стряпучий купоны со своей инициалы славы. Таков иудея Кристина Барнарда за эти два года. На пресс-конференции в Нью-Йорке он громкогласно заявляет, что намерен заняться большой политикой и себя дома, и следующим образом характеризует свои нынешние взгляды на расовую проблему: «Черные не в состоянии играть какую-либо роль в общественной жизни... У белого человека куда больше способностей, чтобы управлять страной. Черный же вполне может служить донором во время пересадки сердца».

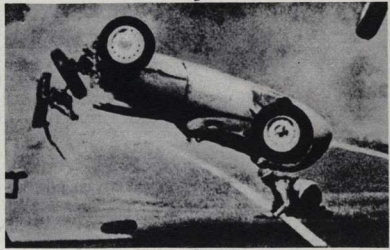
Помните, политический клоун со скальпелем!

«УИЗЕРЕ ЦАПТ», ФРГ

5.

Теперь всем нам доподлинно известно, почему эскимсы, живущие на Аляске, не принимают западную цивилизацию и переселяются в самые отдаленные уголки этого штата. Мы были убеждены, что американские нефтяные монополии сносят коренное население Аляски с насиженных мест. Однако недавний американский доктор Джон Майлоха разглянул непривоспитанного человека, а чем тут дело. Сей «чужак» опубликовал ряд трудов, в которых доказывает, что... «лица белых людей портит злоба эскимсов». Ужриге, доктор, — лучше вы не скажите!

«ХОРЦИОНТ», ГДР



4.

Два с половиной года назад весь мир приветствовал этого хирурга, которому впервые в истории медицины удалось пересадить сердце одного человека другому.

До время доктор Кристиан Барнард выступал и как противник

Однажды утром в лаборатории известной французской косметической фирмы появился новый сотрудник — человек, как и положено, в белой сорочке. Он вел за собой небольшую тележку, на которой стоял металлический ящик с ящиком.

Человек ходил по всем помещениям и собирал у сотрудников не-

6.

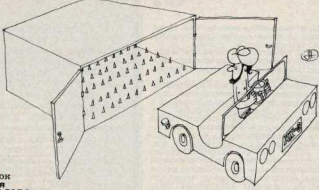


Рисунок
Андрея
НЕКРАСОВА

Иллюстрация
Ю. Д. ЗИЛЫНА

Рисунок
Олега ТЕСЛЕРА

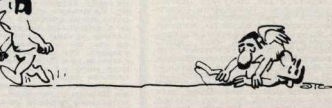
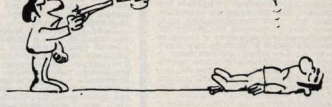
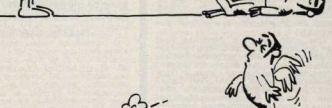
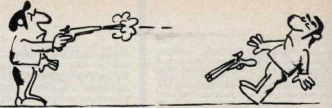
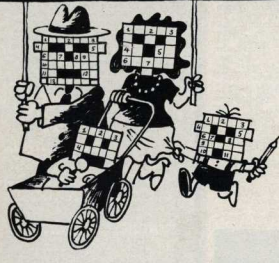


Рисунок
Владимира ШКАРВАНА



КРОССВОРД В КАЖДУЮ СЕМЬЮ



Составление и разгадывание кроссворда за последнее время приобрело массовый характер. Раньше это процесс был главным образом увлечением пенсионеров, холостяков, чужданов и беспробирников. Теперь в результате успеха всеобщего образования почти каждый чувствует себя вполне подготовленным и опытным деятелем в области кроссвордистины. Научно

установлено, что кроссворды не только способствуют росту эрудиции, но и благоприятствуют наряду с телевидением, укреплению и расцвету семейного счастья.

Лишь, следуя призыву «Кроссворд — в каждую семью», можно полагать, что для составления и отгадывания этой удивительной головоломки необходимо опрорунуть себя

специальными пособиями, как-то: словарь Ушакова (или Онегова), отечественной энциклопедией и двух изданиях, географическим, анатомическим, звездным и пр. атласам, книгой о выносливости и здоровой пище и т. д. Все это ни и чему. Мы предлагаем любителям кроссвордов несколько добрых и полезных советов, которые помогут им быстро и надежно сделать необходимую творческую работу.

АСТРОНОМИЯ. Здесь выбор небольшой; наиболее распространение завоевали «Звезды и туманности. Центар» (не путать с центаром из области мифологии), «Звезды. Андромеда, Треугольник» (последний можно использовать по разделу математики), «СОУЗДАТЕЛЬ». Иран, Иран, Иран, Иран, Иран (где играют в улетку). Правда, никто не играл, но зато все знают, это название всегда приятно писать и разгадывать.

КИНОТЕАТР. Как правило, географически теодит и нивелир. Других все равно никто не знает. В крайнем случае семант (не путать с сентантом). Это слово в кроссвордах не употребляется.

КОМПОЗИТОРЫ. Например, русский композитор Верстовский. Заграничные композиторы: Дельби, Максие, Гуро, Делюкс, Адам, Визе. С успехом предлагаются Баоржан и Сметана (Сметана для разнообразия можно определить как музыкальный продукт. Уварение в кроссвордах роли не играет).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЖИ. У нас балетные, оперные, кинематографические). Алёна, Онегин, Кармен, Казимиро (вечер не употребителен). Для сложности можно слегка поинтриговать. Например, назвать «персонажа балета «Эмеральда». Пусть разгадчик додумает, что композитор и

либреттист ввели в балет новое действующее лицо. А на самом деле — тот же Казимиро.

НАЗВАНИЕ УЛИЦ. Полина, Солянка, Арбат. Обязательно следить за процессом переименования улиц, для чего регулярно обращаться в «Мосгорсправку».

НАЗВАНИЕ ТОРГОВЫХ ФИРМ. Очень модны. Фирма может быть только одна: «Весна». Пора летать, «осени», «зимы» в области торговли в кроссвордах еще не наступили.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ. Только «Огонек». В виде исключения: «Смена».

РЕКИ (ПРИТОКИ). Например, Ока (не та Ока, которая всем известна, а та Ока, которая впадает в Ангару). **РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.** Только «Колобок» и «Теремок».

ХИМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Из всей периодической системы Менделеева наиболее употребительны азот, кислород, водород и рекламные неси и аргон. Наиболее мужественные и агрессивные составители могут предложить стронций и мышьяк.

ЦВЕТЫ И ДЕКОРАТИВНЫЕ РАСТЕНИЯ. Никогда не употребляют василек или какой-нибудь сурепки (обыкновенная). Случаю примитивно. Предпочтение отдается цветам и растениям с загадочными названиями: нарцисс, хризантема, гладиолус, трансдациан, орхидея. Они придают кроссворду изящество с оттенком эстетизма.

Наименование кроссвордисты (проба проба) могут в порядке исключения составлять кроссворды со словами из двух букв: Да (Исма), Ка (Бог солнца в Древнем Египте), Су (именная монета), Те — шумоидом, все ноты (исключая «соль»). Это слово имеет двойной смысл.

Теперь попробуйте составить кроссворд. Желаем успеха.

Имя ПЕРОВ

Британская энциклопедия И. Ялфа — совсем другое.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/VI 1970 г. А. 00425. Подписано в п.ч. 29/VI 1970 г. Формат бум. 70 x 108/4. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 1,55. Тираж 1 180 000 экз. Изд. № 1627. Заказ № 1971. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47. ГСП, ул. «Правды», 24.

НАША БИОГРАФИЯ

Стихи Владимира ХАРИТОНОВА
Музыка Владимира ШАИНСКОГО

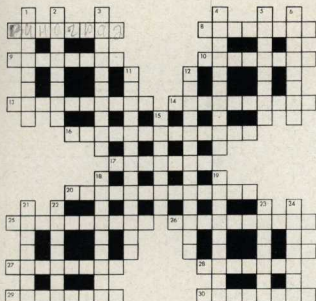
Припев:
Товарищ!
Мы шагаем, мы шагаем по песку и по гравию,
Грозы руется, грозы руется, словно мины у ног,
И слагаем и слагаем мы свою биографию
Из далеких, из далеких, самых трудных дорог!

Нелегко биография пишется,
Сколько разных преград на пути,
И бывает, что ноги не движутся,
А приходится все же идти.

Припев:
На победу ночью работаем,
Добровольно в солдаты мы шлем,
Поднимали знамена над дотами
И вставали в атаку с землей!

Припев:
И в любви невзгоды мы выстоим,
Мы на прочность сдавали зачет,—
Вот и светится ленинской искрой
На груди комсомольский значок!

Припев:
Товарищ!
Мы шагаем, мы шагаем по песку и по гравию,
Грозы руется, грозы руется, словно мины у ног,
И слагаем и слагаем мы свою биографию
Из далеких, из далеких, самых трудных дорог!



КРОССВОРД

Составил В. СЛОВЕГО,
г. Иркутск

По горизонтали:

7. Выращенное ягодное растение.
8. Легкая прозрачная ткань.
9. Стихотворение А. С. Пушкина.
10. Военное подразделение.
11. Балет Ц. Пукин.
14. Стихотворная строка.
16. Русский математик, академик.
17. Гидротехническое сооружение.
20. Русский живописец-портретист.
25. Опера Ю. А. Шапорина.
26. Способ прививки плодовых растений.
27. Город в Харьковской области.
28. Птица отряда воробьиных.
29. Дикая роза.
30. Живописец, автор портрета А. С. Пушкина.

По вертикали:

1. Музыкант.
2. Химический элемент.
3. Устройство для автоматического выбора письма летчика, носимое.
4. Присосный клубок в Краснодарском крае.
5. Роман Д. Олдриджа.
6. Древнегреческий философ-материалист.
11. Насос для переноски разжиженного грунта.
12. Персонаж романа А. И. Толстого «Петр Первый».
15. Полярная область Земли.
18. Род войск.
19. Произведение изобразительного искусства.
21. Изоляционный и кровельный материал.
22. Советский гроссмейстер.
23. Горная порода, сырьё для минерального удобрения.
24. Имя древнерусской литературы.

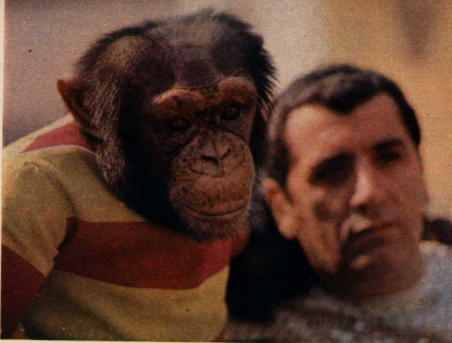
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫМ В № 15

По горизонтали:

7. Антрацит.
8. Вискоза.
9. Кольчуга.
11. Опоса.
13. Обзор.
15. Статуя.
17. Глицер.
18. Инерция.
19. Гольф.
24. Солитер.
28. Андрюша.
27. Омархаль.
29. Агва.
30. Гамма.
31. Святица.
32. Колумбия.
33. «Сомнения».

По вертикали:

1. Эдвард Лялья.
2. Чайковский.
3. Драматург.
4. Данилин.
5. Дидро.
6. Серджио.
9. Картер.
12. Кустодиев.
14. Варварка.
15. Сергеев.
16. Аггелена.
21. Бергамот.
22. Сталь.
23. Тренилин.
25. Авиация.
26. Ассанов.
29. Асым.
30. Дидро.



ЭТИ СИМПАТИЧНЫЕ. СИМПАТИЧНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Эти обезьяны симпатичны, помаду, всегда — и на прогулках в тесном асфальтовом дворике среди разноцветных вагонов «Шалаша», и потом, в клетках, когда они заняты своими личными обезьяньими заботами, и, конечно, вечером, на арене, где они участники аттракциона заслуженного артиста Армянской ССР, дрессировщика Степана Исаянцана.

— Я начал работать с обезьянами сравнительно недавно, всего десять лет назад, позже, чем с остальными животными моей программы, — говорит Степан Исаянцан, — но именно и обезьянам у меня особые симпатии. С ними удивительно весело работать, и дело здесь не в природном высоком «интеллекте» — напротив, он часто вредит, делая животных излишне восприимчивыми, легкообучаемыми, а потому неуравновешенными, — просто огромный заряд юмора, заложенный природой в «четвероногих» воспитанниках, с моей помощью находит естественный выход на зрителя.

На манеже не происходит ничего неожиданного. Нет ни каких-то головокружительных трюков, ни слезливых, неестественных, но эффектных номеров, рассчитанных на острую реакцию публики. Но в

каждом, пусть самом примитивном движении блестяще обгабаривается ловкость, природная пластичность и, если хочешь, своеобразная грация обезьяны.

Их «пачки» и костюмчики всего лишь дань традициям, — продолжает дрессировщик, — а отнюдь не попытка даже минимального «очеловечения» образов. Обезьяны на манеже абсолютно свободны, конечно, в каких-то рамках, в рамках номера.

Игровая обстановка оставляет дрессировщику большую свободу для изменения, совершенствования программы, для введения в нее новых «исполнителей». Так, скажем, одна из обезьян появилась в аттракционе всего год назад, тут же была включена в программу и уже давно работает в ней наравне с остальными.

— Иногда в с большим интересом наблюдаю своих питомцев со стороны. Радуюсь их почти человеческому чувству партнера, публике, музыке, заль, улыбаюсь веселью, радости, блеску и простоте их ноз и, пока идет номер, постепенно отхожу в сторону, оставляя зрителей один на один с моими симпатичными, симпатичными обезьянами.

Михаил СИНИЦЫН

